

A movie poster for the Russian film 'The Case of the Death'. The central figure is a man in a white hazmat suit and helmet, holding a submachine gun. He is surrounded by various demonic creatures, including a large, horned demon with glowing blue eyes on the left, a red, winged demon with a screaming face at the top, and a smaller, horned demon on the right. The background is a fiery, hellish landscape. At the top, a decorative banner contains the Russian text 'НАШИ ТАМ'. At the bottom, the name of the actor and the title of the film are written in large, stylized letters.

НАШИ ТАМ

АНДРЕЙ КРЮКОВ
ДЕЛО ВСЕЙ
СМЕРТИ

Наши там (Центрполиграф)

Андрей Крюков
Дело всей смерти

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Крюков А. М.

Дело всей смерти / А. М. Крюков — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08833-8

В разведке подумали: «Кому лучше Бога известно, что станет с миром и каждым из нас?» И отправили в рай агентов охотиться за планами небесного штаба. Это дает начало захватывающим событиям в потустороннем царстве и на земле, в современной России. Демон, начальник небесной контрразведки, помогает московскому следователю раскрывать преступления. Медиум становится убийцей по воле вселившегося в него духа. У торговцев будущим похищают детей. За книгу судеб в раю сражаются наши и американские разведчики, уголовник продает душу за биткоины, а обезьяны на том свете превращаются в людей. Главному герою приходится делать выбор между жизнью и смертью, адом и раем, но в конце концов он выбирает любовь.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08833-8

© Крюков А. М., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	41
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Марленович Крюков
Дело всей смерти
Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Крюков А. М., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Рай как научный факт

Весь день лейтенанта Зацепина в подземном учебном центре был расписан по минутам. Первое, что он видел после утреннего пробуждения, – листок с расписанием. Не будь этого списка – трафарета предстоящего дня – перед глазами, Зацепину гораздо труднее было бы вставать, включаться в жизнь. Просыпаясь, он вспоминал о своем фантастическом, невероятном задании и думал, что сон продолжается. Но листок на стене с многочисленными пунктами, скрупулезно отмеряющими время занятий и отдыха, говорил ему: нет, ты смотришь не сон, тебя действительно готовят к внедрению в рай.

Деловой, бюрократический вид расписания вносил в фантазмагорию струйку обыденности, и это настраивало Зацепина на будничные ритмы. Он вскакивал с койки, натягивал тренировочный костюм, выбегал из своей комнатки и устремлялся по коридору – в дверь с круглым окошком, за которой был спортивный зал.

С раннего утра расписание брало Зацепина в твердые руки и вел, словно по лестнице, пунктами-ступеньками к вечернему отбою. Отлаженный механизм, в который вставили Зацепина, ни на минуту не выпускал лейтенанта из своих шестеренок. Будь Зацепин предоставлен сам себе, его изгрызли бы сомнения. Снова и снова он терзал бы себя вопросами: «Не попал ли я в сумасшедший дом?», «В порядке ли с головой у всех этих генералов и полковников, будто сказочные гномы, обитавших под землей, которые натаскивают меня шпионить за Богом?», «Не заявить ли мне прямо, что я не желаю участвовать в фарсе, хочу ясности?»...

Интенсивная, всепоглощающая учеба отодвигала эти мысли на задний план. К тому же военная дисциплина, субординация не располагали к проявлению любопытства, призывали к сдержанности.

«Должно быть, разговоры о заброске на небо – только легенда, прикрытые для готовящейся операции, связанной с религией, церковью, – решил Зацепин. – Рано или поздно начальники перестанут шифровать свои намерения, откроют карты».

Он заставлял себя сосредоточиться на подготовке. Не мог не видеть: хоть в деле полно странного, штука затевается не рядовая. Ему уготована роль в операции стратегического масштаба. Это наполняло Зацепина энтузиазмом. Выходит, он все же не зря по полной выкладывался в чекистской школе. Теперь он не упустит удачу, в подземном городе тоже сумеет показать себя. Он будет и здесь первым учеником!

Кроме Зацепина, в райские разведчики готовили трех офицеров, имеющих солидный опыт оперативной работы. С капитаном Зуевым из Ленинграда, черноволосям, веселым красавцем, спортивная судьба год назад сводила Зацепина на борцовском ковре. Двое других, майор и капитан, тоже были спортсменами: рослые, отлично сложенные мужчины в расцвете лет. Зацепин гордился, что в подземном центре он на равных с этими заслуженными оперативниками, спортивными чемпионами. В одном вчерашний курсант школы Комитета государственной безопасности даже превосходил их: учиться для Зацепина было делом привычным, а они, чекисты со стажем, порядком подзабыли, что такое сидеть за партой.

Зацепин вызывал новых товарищей на откровенность, выпрашивал, что они думают о задании. Офицеры давали понять, будто не находят в охоте за Божьими секретами ничего удивительного, советовали не забивать голову рассуждениями.

– Приказы не обсуждаются, лейтенант. Меньше знаешь, крепче спишь, – посмеиваясь, говорил Зуев.

Однако их словам не хватало искренности. «Они, как и я, закрывают глаза на нелепость происходящего, прячут сомнения», – решил Зацепин...

Жизнь четверых слушателей – так называли будущих исполнителей операции «Борода Зевса» – протекала в маленьком периферийном секторе рукотворного подземелья, который Зацепин окрестил «кораблем». От остального города сектор отделяла бронированная, полуметровой толщины, плита-дверь. За ней через тамбур, где дежурила вооруженная охрана, путь лежал в неширокий длинный коридор с низким, в трубках люминесцентных ламп потолком, пластиковым полом. В облицованных деревом боковых стенах коридора располагались двери с круглыми застекленными окошками-иллюминаторами. Это напоминало палубу корабля.

Двери с окошками вели в жилые «каюты», два учебных класса, кабинеты начальника центра и руководителя программы, столовую, спортзал, в душевые и туалет, комнату караульного наряда. Все помещения – крошечные, тесные, как судовые кубрики.

Слушатели покидали сектор только на час в день для прогулки по подземному саду-оранжерее. Кроме них, на корабле постоянно находились врач и караульные. Преподаватели, инструкторы, уборщики, официанты появлялись в секторе и, выполнив свои обязанности, немедленно исчезали за бронированным валом входной двери. Лежащая под песчаным, волнисто барханным морем Каракумов, обитель слушателей своей закрытостью, автономностью была похожа не просто на корабль, а на подводную лодку.

Несмотря на столь уединенную дислокацию, команда разведчиков чувствовала себя в фокусе усилий множества людей, населяющих весь уникальный подземный объект – завод-крепость. Четверка офицеров, несомненно, была вершиной огромной пирамиды, где каждый кирпичик служил их подготовке. Работа цехов и лабораторий, мельком увиденных Зацепиным, обеспечивала существование глубинного гарнизона. В них же, очевидно, ковалось небывалое оружие для небывалой операции.

Руководитель программы Неелов намекал слушателям, что страна тратит на программу «Борода Зевса» почти столько же денег, сколько на космос.

– Вы – Гагарины тайного фронта! – ораторствовал Неелов. – Вы тоже покорите небо!

Вскоре выяснилось, что академик сравнивал подопечных с космонавтами не ради красного словца. Говорливый, щедрый на высокопарные фразы и патетику, всегда вдохновенно взвинченный, объятый творческим пламенем, ученый муж умел и в окружающих возбудить азарт познания.

Офицеры грызли чуждые науки, которыми их пичкали в катакомбном университете.

Первые недели подземных курсов были отданы теории. Слушатели собирались по утрам в классе, рассаживались за отдельные столики. Преподаватели – в форме и штатские – менялись через каждые сорок минут. Не верилось, что их лекции адресованы разведчикам, а не каким-нибудь семинаристам.

Ученики в погонах узнали содержание библейских Ветхого и Нового Заветов, познакомились с Кораном, откровениями Будды, иерархией античных богов. Слушатели поднаторели в догматах, постигли разницу между канонической религиозной литературой и апокрифами, разобрались в организации и управлении церкви.

К концу учебного месяца пошли уроки топографии и ориентирования. Офицеры запомнили рельеф ада и рая, рисовали планы небесных сфер. Ландшафты, архитектура потустороннего мира штудировались досконально, как карта района будущего разведпоиска. Преподаватель, водя указкой по развешанным схемам, бесстрастно приводил в цифрах расстояния от земли до рая, высоту окружающих его золотых стен, количество засовов на воротах небесного Эдема...

– Надо же, откуда такая точность! – не удержался от скептического возгласа Зацепин.

– Мы опираемся на последние научные данные, – наставительно сказал преподаватель-подполковник.

– Научные?! – Дух противоречия заговорил в майоре Круглове, старшем из слушателей. В группе его звали Дедом за основательность и тяжеловатый нрав, хотя деду было только трид-

цать шесть. – Наука отрицает религию. Вы говорите: Бог, рай – для конспирации, верно? Что вы скрываете?

Преподаватель, не ответив Круглову, продолжил лекцию. Когда подполковник вышел, разведчики переглянулись.

– Не помещается у меня все это в голове, – задумчиво поглаживая пальцем тонкие щегольские усики, проговорил капитан Зуев. – В непонятную игру с нами играют.

– А мы должны подыгрывать? Комедию ломать? – воскликнул порывистый, прямолинейный Непейвода, капитан. На его открытом, веснушчатом лице проступил румянец. – Я в органах не первый год, меня секретами не удивишь. Сколько можно тень на плетень наводить? Не доверяют нам, что ли?

– Правильно! – подхватил Зацепин. – Терпение наше испытывают. На дворе конец двадцатого века, а мы долбим это богословие, а зачем – не знаем.

Офицеры впервые позволили себе не скрывать чувств друг от друга. Они дали волю долго копившемуся раздражению, выплеснули наболевшие вопросы.

– Рай у них, видишь ли, научный факт, – ворчал Дед. – Глядишь, завтра скажут, что туда рельсы проложены, поезда ходят. А мы – глотай эту чушь... Или на самолете к Богу полетим, мужики?

– На ракете, – раздался голос от двери.

Глава 2

Операция начинается

Офицеры поспешно встали, приветствуя академика Неелова. За разговором они не заметили, как руководитель программы, в неизменном своем докторском халате, появился в классе.

– На ракете, – повторил Неелов, проходя к доске. – На космическом корабле, – уточнил он, становясь за преподавательскую кафедру. – Пожалуйста, вольно.

Последним словам академика, который никак не мог запомнить, что команды «смирно» и «вольно» офицерам на занятиях не подаются, на этот раз никто не улыбнулся.

Слушатели сели.

– Пора расставить точки над «i», – многозначительно произнес академик, встряхивая седой эйнштейновской шевелюрой.

Зацепин увидел, что маленький Неелов словно раздулся от важности, значит, разговор предстоит серьезный. Лейтенант обратился в слух.

– Я займу часть очередной лекции, не возражаете? Впрочем, вы, кажется, не видите в занятиях проку? Что у вас по расписанию? Ангельские чины? Шестикрылые серафимы, двуликие херувимы... Ага. Вы, конечно, убеждены, все это – небылицы, мифология, опиум для народа, бабушкины сказки? Вам и в голову не приходило, что ваше задание надо понимать буквально, а не иносказательно? Так вот, мой предшественник сказал вам истину. Наука действительно подтвердила материальное существование объектов, которые прежде мы относили исключительно к области веры, духовного измерения. Рай, ад, ангелы, черти – есть.

– Этого не может быть! – запальчиво выкрикнул Непейвода.

– Хватит водить нас за нос, мы не дети, – грубо поддержал Дед.

Академик не остался в долгу.

– «Не может быть»! – передразнил он. – Типичная обывательская реакция на все, что противоречит очевидности. Принять невероятное в братские объятия способны только безумцы или гении!

«Кто же ты, гений или, скорее, сумасшедший, если говоришь, что есть рай и ад?» – мелькнула мысль у Зацепина.

– Не будем горячиться, – примирительно сказал академик. – Согласитесь, многое из того, что сегодня кажется нам очевидным, некогда было скрыто во мраке неизвестности. Об иных вещах люди могли только догадываться, фантазировать, в легендах провидя истину. Вспомним, сколько планет было открыто, как говорится, на кончике пера, а позже их увидели в телескоп. Путеводной звездой великих мореплавателей были предания о неведомых богатых землях, предания, в которые почти никто не верил. В религии тоже содержится предание, сохраненное человечеством в веках, о счастливой стране, где справедливая власть, а жизнь прекрасная. Эта страна ждала своего открытия, как когда-то Америка парусов Колумба. Час настал с эпохой космических плаваний. Десять лет назад в ходе пилотируемого полета были получены первые сведения о некоей обитаемой территории в Солнечной системе. Описание ее совпало с картиной библейскогорая.

Он замолчал. Слушатели долго не нарушали глухую тишину подземелья, обдумывая слова академика.

– Но в космосе нет воздуха, нечем дышать. А в раю? – собираясь с мыслями, спросил Дед.

– В раю, как в Греции, все есть. – Неелов шутливым тоном попытался разрядить атмосферу.

– И Бог – правда, живет там? – спросил Зуев с интонацией, в которой было чуть ли не восхищение академиком: врет и не краснеет!

– Чистая правда. Космонавты видели его.

Зацепин ловил взгляды товарищей. «Что происходит? Нас опять разыгрывают?» – читалось в них.

Подал голос Непейвода:

– А он, Бог, в самом деле управляет нашей жизнью?

Неелов провел рукой по волосам, кивнул:

– На этом строится вся наша затея! Бог, Демиург, Великий Геометр, он конструирует историю, творит судьбы мира. Путь человечества распisan у него на вечность вперед. Вот мы и подумали: неплохо бы разжиться этих планов громадьем. Скажу без ложной скромности – идея принадлежит мне.

У Неелова на все был ответ.

– Бог, нас учили, всеведущий, – не отступал Непейвода. – Как же играть с ним в прятки? И про подготовку нашего десанта он, выходит, знает? Скажете, он не видит сквозь землю? Курам на смех!

– Но вас также учили, – возвысил голос академик, – что божественное предопределение не лишает человека свободы воли, права выбора. Бог может знать о нашем дерзком замысле, даже руководить нашими поступками. Наш центр – тоже строчка в его плане. Это ничего не меняет. Чертеж земного бытия сделан раз и навсегда. План существует в виде текста, или райского информационного облачка, или Творец держит его в голове. Добудьте этот чертеж – и грядущее станет открытой книгой. В борьбе с империализмом, в историческом противостоянии двух систем мы получим решающее преимущество. Пословица «Человек предполагает, а Бог располагает» уйдет в прошлое... Ах, друзья! Я забываю о времени, когда говорю об этом. Но мы заболтались. В теории, я вижу, вы поднаторели. К практике, к практике, мои мушкетеры!

Неелов оставил класс так же внезапно, как и появился в нем.

Офицеры были в замешательстве. Робкий бунт только усугубил их положение. Они надеялись, поставив вопрос ребром, добиться от наставников правды про задание. А Неелов снова накормил баснями, ясно показав, что иного разговора не предвидится. Принять на веру его слова было то же самое, что расписаться в безумии. Но и не верить – не выход. Это означало не верить Комитету, государству, от имени которых говорил и действовал засекреченный академик. Но как тогда нести службу? Офицеры уперлись в тупик. Надежд на скорый выход из него не осталось. С этого дня им стало трудно вдвойне.

Практические занятия, на которые дал добро Неелов, оказались странными, как все в подземном городе, и увлекательными. Инструктор, демонстрируя фотоснимки с нечеткими портретами, учил узнавать в лицо ангелов, апостолов:

– Архангел Гавриил, специалист по особым поручениям Бога. Предупреждение Девы Марии о рождении Иисуса – его работа. Оперативным путем получить его фотографию не удалось. Имеются достоверные иконописные изображения. Запоминайте. И держитесь от него подальше... Архангел Михаил...

– Маршал? – вопросительно произнес Непейвода.

– Подходящее сравнение. По земным меркам Михаил – маршал, никак не ниже. Главный военачальник на небесах, предводитель ангельских ратей. Предстает обычно в подобающем облачении – доспехах... Далее. Уриил, архангел. Осведомлен о тайнах Вселенной. Может стать ценным источником информации.

– Расколом, – мрачновато обронил Дед.

– Апостол Петр... Этого запоминайте особо. У него ключи от райских ворот. Не сумеете завербовать его, раскрутить на ключи, придется вам карабкаться через стену...

Полевые учения проводились за пределами «корабля», в саду-оранжерее. Здесь был сооружен макет рая. Фрагмент крепостной стены имитировал стену вокруг небесной обители праведников. А две исполинские корабельные сосны, изображающие древо познания и древо

жизни, принадлежали раю земному, из которого некогда изгнали Адама и Еву. В реконструкции эдемского сада к пышущим под потолком многосвечовым лампам тянулись, соприкасаясь кронами, пальмы и яблони, северные пихты и тропическое хлебное дерево. Ветви никли под тяжестью зрелых плодов, журчали хрустальные ручьи. Между стволов щипали сочную траву козы, овцы, зебра; под присмотром дрессировщика бродили, вяло огрызаясь, пума и леопард.

– Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком... – бормотал Дед, осмотрительно далеко обходя зверинец.

Именитый скалолаз из Приэльбрусья обучал слушателей штурмовать райскую стену по всем правилам альпинистского мастерства. Другой тренер, водя разведчиков по декорации рая, указывал укромные места для тайников, продемонстрировал, как закладывать контейнер в дупло на древе познания. Однажды среди дня начальник центра ввел в класс двух женщин и двух мужчин в штатском.

– Знакомьтесь, – сказал генерал-полковник. – Ваши радисты. Им вы будете передавать сообщения с неба.

К Зацепину распределили радистку. Женщина лет тридцати пяти, полная, курносая, с узлом светлых волос на затылке представилась:

– Кузнецова Мария Анатольевна.

Лейтенант, соскучившийся в подземном монастыре по женскому обществу, был с ней словоохотлив, балагурил, строя из себя записного ловеласа.

– Какую вы предлагаете установить между нами связь, а, Маша? – игриво вопрошал он. – О, не говорите про позывные, радиочастоты! Я бы предпочел общаться с вами только на романтической волне.

Губы женщины трогала улыбка. На краснобайство Зацепина она отвечала односложно, уклончиво. Подняла на офицера зеленые глаза. Во взгляде Зацепин увидел грусть и сострадание.

– Вы, наверное, много занимаетесь, Алексей Павлович, – тихо сказала женщина.

Лейтенанта словно окатили ледяной водой. В памяти тотчас всплыли сочувственные проблиски и затаенная суровая печаль в глазах преподавателей школы госбезопасности в Москве при прощальных рукопожатиях.

«Почему все они жалеют меня?» – недоумевал Зацепин.

Остаток дня был испорчен. Зацепин разглядывал себя в зеркале. Да, он изменился. Кожа на лице побледнела, под нездорово блестящими глазами залегли тени. «В самом деле, школяр, замученный учебкой!» Отражение пугало Зацепина. Он впервые подумал, что здоровье подводит его.

«Бледность – понятно: живу два месяца под землей, как крот, без солнечного света, дышу мертвым воздухом из вентиляции. Скверно, что у меня все чаще кружится голова».

Зацепин объяснял сбой в самочувствии психологическими перегрузками. Справляться с сомнениями становилось все труднее. Противоречия разрывали его. Он так и не сумел превратиться в затаенный в португеею автомат, бездумно принимающий к сведению любую вводную командиров. Разум отказывался признать материальность мира теней. Наставления преподавательского состава по просачиванию в небесный Иерусалим, вербовке ангелов были, конечно, насмешкой над здравым смыслом. Если серьезные, ответственные люди в больших чинах, с научными степенями изо дня в день твердят тебе, что черное – это белое, поневоле перестанешь верить глазам! Зацепин терял ощущение реальности, почву под ногами.

– Может быть, в существовании Бога нет ничего такого уж невозможного? И до его небесной квартиры прямой путь на ракете, как на трамвае? – разговаривал он сам с собой.

Зацепин вынужден был играть в спектакле, своей роли в котором не понимал. В нем крепко неприятное убеждение, что представление это – не комедия, а драма. «Наверное, все они потому и жалеют меня, что мне не выбраться целым из этой разведки. Нам не сообщают, сколько мы пробудем на небе, как вернемся. Это неспроста».

Переживания угнетали. Зацепин видел, что у его товарищей тоже начались нелады со здоровьем. Они плохо выглядели. Деда донимали приступы глубокого лающего кашля. Самбист Зуев предложил Зацепину схватиться на матах в спортзале, не сумел провести элементарного броска, сел, тяжело дыша, жалуясь на резкую слабость. «Ложное положение, в котором мы находимся, никому радости не прибавляет», – сделал вывод Зацепин.

Слушатели не могли посетовать, что об их здоровье не заботились. Ежедневно их осматривал врач. Каждую неделю у них брали кровь на анализ. Офицеров просвечивали рентгеном. Делали им инъекции.

На регулярный вопрос медиков о самочувствии Зацепин и другие слушатели ни разу не признались в своих хворях. Больных уж конечно не допустили бы к выполнению задания. Слушатели, как огня, боялись этого. Чем более туманной, неисполнимой и опасной выглядела в их глазах операция «Борода Зевса», тем с большим нетерпением они ждали команды «Вперед!». Они хотели отличиться, сослужить службу стране. Примешивалось к высокому стремлению и раздраженное любопытство. Только участвуя в операции, они рассчитывали узнать, к чему же их так усиленно, в невиданной секретности, готовили, какие в действительности задачи поставлены командованием в «Бороде Зевса», задачи, размах которых якобы сравним с освоением космоса.

Однажды утром слушатели «недосчитались» Деда. Он не явился после подъема в спортзал. Его каюта оказалась пуста. Накануне майора особенно сильно терзал кашель, и слушатели подумали было, что он в медпункте. Но врач не видел Круглова. Молчал о нем и караул.

– Да куда он денется с подводной лодки, – повторял расхожую шутку остряк Зуев, однако исчезновение майора удивило офицеров.

К началу лекций они, как обычно, собрались в классе, куда вдруг вошли начальник центра и академик Неелов, торжественные и больше обычного загадочные. Генерал-полковник объявил:

– Майор Круглов ночью заброшен в район операции. «Борода Зевса» началась.

Слушателей обрадовало это известие. Старт операции означал конец неопределенности, от которой так страдали офицеры. Они были лишь немного разочарованы тем, как прозаически, неярко началась операция. Впрочем, в разведке не приняты парадные построения, громкие напутственные речи. Они жалели, что им не дали проститься с Кругловым. Академик Неелов словно прочел мысли своих учеников.

– Вы скоро встретитесь там, – сказал он, указав в потолок. Его глаза лучились веселым безумием, как у фанатика, чьи идеи близки к воплощению.

– В связи с началом операции занятий у вас станет поменьше, – объяснил генерал-полковник. – В остальном – распорядок прежний. Собирайтесь с силами и будьте готовы в любую минуту выполнить приказ.

В тот день разведчики слушали преподавателей невнимательно. Их мысли были уже далеко от опостылевшего подземелья. Вечером они обменялись домашними адресами. Они гадали, кого отправят на задание следующим.

Под утро спящего в своей каюте Зацепина потрясли за плечо.

– Пора, лейтенант.

Глава 3

Марш-бросок в Эдем

Ноги при каждом шаге по щиколотку уходили в зеленую жижу. Это беспокоило Зацепина. Преподаватели не упоминали о том, что к раю путь ведет через болото. «Там ли я приземлился? А вдруг промазал?»

Лейтенант с трудом обернулся в громоздком скафандре. Измерил взглядом расстояние до закопченного в атмосферном пламени шара. Оказывается, он отдалился всего метров на пятьдесят от спускаемого аппарата.

«Нужно поторапливаться», – подумал Зацепин.

Неохотно отведя глаза от космического корабля с темнеющим отверстием входного люка, – как от покинутого дома, убежища с призывно распахнутой дверью, казавшегося таким надежным и манящим в неизвестном краю, – человек неуклюже повернулся и зашагал дальше по нетвердой травянистой почве, оставляя заполненные водой, быстро затягиваемые болотной ряской следы.

Не только неустойчивая хлипкая земля под ногами, но и пейзаж вокруг наводил разведчика на неприятную мысль о том, что он попал не по месту назначения. Низкая кустарниковая поросль и деревца, обычные для среднерусской полосы, совсем не напоминали экзотическую пышность райских садов. Конечно, он был только на подступах к раю. Но неужели ландшафт этого райского предбанника мог выглядеть так прозаически? Зацепину с трудом в это верилось.

Он решил, что уже настало время расстаться со скафандром. Инструкция предписывала снять космический костюм и перейти на дыхание «забортным» воздухом только перед стенами небесного сада. Но доспехи сковывали движения и тормозили марш. Зацепин, подавив секундное колебание, нажал кнопку на груди. Задержав дыхание, отсоединил и снял шлем. Резко и глубоко втянул райский воздух.

Грибную сырость, терпкие испарения прелой листвы распознало обоняние в первом глотке. Вкус неземной атмосферы был приятный и не внушал опасений в ее пригодности для жизни. Лейтенант стянул перчатки, сбросил скафандр, оставшись в комбинезоне защитного цвета, пилотке и сапогах. Скафандр, шлем, перчатки сложил под приметным деревом с раздваивающимся рогаткой стволом. Закидал склад ветками. Ножом вырезал крест на коре. И быстро двинулся на восток, обремененный только рюкзаком с портативной рацией и короткоствольным автоматом. Он стремился дальше уйти от места посадки. Если приземление засек противник, то облава начнется от спускаемой капсулы с распушенным по земле цветком парашюта.

«Бегом!» – командовал себе офицер и тяжело топал по чавкающему зыбкому ковру. Выбивался из сил, но прищипывал себя командой и мчался, разбрызгивая из-под сапог коньячного цвета воду.

Вдруг в свете неяркого дня он уловил пестрый проблеск в зелени. Словно впереди встала радуга. Зацепин укрылся за деревом и развернул карту. Улыбнулся, глядя на синюю черту у края бумажного листа.

«Ты нашел объект. Вот он, небесный Эдем!»

И осторожно, от дерева к дереву двинулся к источнику сияния – протянувшейся за опушкой леса из края в край стене из драгоценных камней. Скоро стена нависла над лейтенантом, заслонив полнеба.

Перед тем как выйти на открытое пространство перед стеной, Зацепин долго разглядывал его, ощупывал взглядом зубцы, башни, венчающие циклопическое строение. Нигде он

не обнаружил часовых, наблюдателей. Стена переливалась отблесками бриллиантов, рубинов, изумрудов. Над стеной вставало золотое свечение. Вот это уже было похоже на рай.

Оставалось найти ворота в этой крепости. Или карабкаться через стену. Зацепин рассудил, что альпинистские подвиги побережет на потом. Молниеносным броском пересек полосу топкой земли до стены и, прячась в мертвом пространстве от возможных взглядов или выстрелов сверху, стал красться у подножья драгоценного забора.

Довольно скоро излишняя осторожность покинула его, – так безмятежно и безлюдно было вокруг. Стена пестро перемигивалась огоньками. Ни одного звука не доносилось из покинутого Зацепиным осеннего, в желто-красном убранстве леса, не долетало из-за стены. Лейтенант перестал таиться, громкое хлюпанье его шагов вспугивало тишину.

Он вымерял сапогами километра четыре вдоль сверкающей кладки, когда за закруглением стены увидел человека. Это был мужчина, задрапированный на античный манер куском белой ткани, бородатый, с густой черной шевелюрой, в сандалиях. Он сидел на маленьком раскладном стульчике у деревянной скромной калитки, смотрел на опущенные на колени руки. Все это Зацепин «сфотографировал» в одно мгновение. Автомат уже целил в белую фигуру.

«Древний римлянин» посмотрел на гостя без испуга и любопытства, долгим доброжелательным взглядом.

– Вы Петр? Апостол Петр? – осведомился Зацепин, которого стала тяготить длинная пауза.

Он не сомневался, что абориген поймет его. В раю все говорят на одном языке, – на этот счет учителя Зацепина были единодушны.

– Я – Муций, – охотно ответил «римлянин». – А Петр дежурит у главных ворот.

– Далеко до них?

– Не близко. Но вам туда ходить не нужно.

– Почему это? – Зацепин спросил для порядка. Он и не собирался топтать до главных ворот, у которых наверняка была многочисленная стража. Разведчик дорисовывал в уме план: «римлянина» нейтрализовать, калитку взломать – и даешь рай. Вот только ведет ли калитка за стену?

Муций повторил:

– Вам не следует туда ходить. – И объяснил: – Ведь вы живой. А в ворота идут призванные.

– Призванные? – переспросил Зацепин. – Умершие, что ли? Души?

– Смерти нет. Есть живые, а есть призванные.

Зацепин не стал вдумываться в эти слова: мудрствованиями такого рода он был сыт по горло еще с подземного «корабля».

– А в эту... калитку кто идет? Здесь можно пройти?

– Можно. Только если поменяетесь.

– Как поменяюсь? – Зацепин был сбит с толку.

– Не как, а на кого. Вы должны поменяться с тем, кто в раю. С призванным.

– Поменяться с призванным... – Зацепин усмехнулся. – Отлично. Меняюсь на Наполеона. Или он в аду?

– Этот Наполеон ваш родственник? Близкий человек? Был вашим другом?

– Наполеон?! – Зацепина, который был весь как взведенная пружина, пробил нервный смех.

Муций развел руками.

– Видите ли, поменяться можно только с дорогим, близким человеком. Который был вам безразличен. Кого вы оплакивали, когда он был призван.

– А его, умершего... призванного, вы возвращаете назад, в жизнь?

– Нет. Вы отправляете его в ад.

Зацепин опустил автомат. Пора было заканчивать этот дурацкий разговор. Пока не нагрянули другие «римляне». Удар ножом, и путь в рай открыт – разведчик и мечтать не смел, что проникнуть в Божью твердыню окажется так просто.

Но убивать Муция рука не поднималась. Правда, и оставлять в разведпоиске свидетеля – неоправданное легкомыслие. А если взять этого привратника в плен, пусть показывает дорогу? Зацепин заколебался. Или Муций сам из призванных, и ножом его не свалишь, тут нужна очередь серебряными пулями?

– У меня нет близких в раю, не на кого менять, – тянул ненужный диалог Зацепин, давая себе еще несколько секунд на раздумья.

– А Вера? – кратко спросил Муций.

Имя прилетело от тихого «привратника», как удар. Разведчик вздрогнул.

– Вера? Что ты сказал? Откуда ты знаешь Веру?.. – забормотал он, приходя в себя словно после затрецины.

Муций кивнул через плечо.

– Она здесь. Хороший вариант. Вы ее достаточно помучили, в аду ей будет не привыкать. Зацепин не верил своим ушам.

– Я – Веру? Помучил? Веру – в ад?! Она жива! Она не призванная! Ты что болтаешь?! – Он поднял голос, не заботясь о том, что на шум могут сбежаться.

Бросился на Муция с кулаками. А человек в складках потерял очертания, расплылся в белое облачко.

– Стой! – вскрикнул Зацепин, но схватил воздух.

И отдернул руки: облачко, только что бывшее Муцием, оформилось в академика Неелова. Руководитель программы в белом докторском халате едва не приплясывал от переполнявших его чувств.

– Почему медлите?! – напирал он на разведчика. – Лейтенант, вам дело советуют! Меняйтесь с этой Верой и выполняйте задание. До Бога рукой подать. Вперед!

– Я не могу! Это ошибка. Вера жива! – убеждал Зацепин.

И с ужасом видел, что Неелов его не понимает, не хочет слушать.

В бессильном стремлении объяснить, оправдаться Зацепин говорил все жарче. Перехватило горло. Задыхаясь, он сорвался на визгливый крик:

– Не буду меняться! Нет!! Вера – не призванная!

От своего хриплого вопля иеромонах Новогатинского монастыря, отец Алексей, который четверть века назад был офицером КГБ Алексеем Зацепиным, вскинулся на постели и проснулся.

Глава 4

Вещий сон

Он лежал, с облегчением переводя дыхание. Разогнавшееся в ночном кошмаре сердце успокаивалось, постукивало ровнее.

Место нелепого сна заняла в мыслях Вера. Ее губы, волосы. Зеленый мир ее глаз. Ее дыхание и тепло. Столько счастья и нежности принесла эта греза, столько томительно-сладкой грусти, острого раскаяния, что только закрытые веки удержали наполнившие глаза монаха слезы.

– Господи, спаси и сохрани рабу твою, Веру, – прошептал отец Алексей.

Десятилетия он не мог забыть ее. Она даже приблизилась, являлась в воображении чаще, чем в первые годы его монашества. Память всегда дарила ему Веру юной. Ведь он не знал, какая она теперь.

Случалось, и во время молитвы всплывал ее образ, пугая отца Алексея. «Кому же я молюсь?» – спрашивал он себя. С Верой всегда приходило мучительное раздумье: а правильно ли он сделал, предпочтя ей «путь согнутой спины». Так Вера однажды выразилась, наблюдая, как он с рьяной старательностью клал поклоны перед иконой...

Красивой парочкой называли их однокашники по факультету журналистики. На четвертом курсе Алексей Зацепин и Вера Извицкая на лекции стали приезжать вместе из Ясенево, где сняли комнату. Но студенческий роман не закончился свадьбой ни в университете, ни после.

Получив диплом, Алексей отплыл на научно-исследовательском судне в Арктику. Зимовку и дрейф по Ледовитому океану корреспондент журнала «География» описал в цикле очерков. «Цветной шарф полярного сияния» – такого рода метафорами были густо пересыпаны описания Зацепина. Из восьмимесячного плавания Алексей привез Вере олени унты с бисерной вышивкой и туманные планы на будущее.

Он выбирал между карьерой самбиста и газетчика. В журналистике искателя приключений привлекала только романтика перемены мест и впечатлений. Вера тоже была поглощена первыми шагами в «Хроникере», не вылезала из командировок.

Приглашение служить в КГБ пришло точно по адресу: Зацепину отлично подходил жребий рыцаря плаща и кинжала. Три года учебы в школе госбезопасности пролетели быстро. В них не нашлось места ЗАГСу. Да и разве можно вить гнездо, если впереди тебя ждет полная неизвестности судьба Штирлица или Николая Кузнецова?

А потом катастрофа: нагрянула болезнь. Опухоль в голове. Тяжелая операция. Зацепин – мастер спорта, непоседа, танцор, авантюрист – превратился в бритоголового инвалида: повисшая плетью рука, уплывающая из-под ног земля, навязчивый бред про «Бороду Зевса»... Вместо героического поприща – должность заместителя начальника музея разведки.

Вера трогательно заботилась о нем. Она клялась, что его не оставит и будет его женой. Но вчерашний супермен не хотел взвалить на девушку бремя своей немощи. Замужество из сострадания станет для нее тюрьмой. Ее красота, ее будущность умрут в этой темнице, рассуждал Зацепин. «К лучшему, что нашу любовь мы не успели ввести в официальные берега», – заключал он.

Вера спорила, сердилась, плакала, яростно восставала против его «безумной в век космоса идеи уйти в монастырь». Она долго удерживала его от последнего шага.

Девушка бывала с ним в церкви, на богослужениях, чтобы, по ее словам, получше узнать «разлучницу». Однажды в храме на Ильинке они поставили свечи. Зацепин крестился и шептал молитвы. Неверующая Вера задумчиво смотрела на желтые огоньки.

– Я слышала, гадают на свечах. На жизнь и смерть, – сказала Вера. – Попробуем?

– А давай так, – предложил Зацепин. – Если моя свеча догорит первой, то я уйду. А нет – остаюсь.

– Еще чего! Я тебя все равно не отпущу. Ты от меня так легко не отделаешься, – с наигранной шутливостью возразила Вера.

Свеча Зацепина погасла, не догорев и до половины.

– Вот видишь, – сказал он.

Решение Зацепина уйти из мира было твердым, и никакие женские слезы и уговоры не могли его остановить. И вот теперь, через десятилетия, его донимали сомнения, по верной ли дороге он пошел...

Зацепин разлепил веки, вытер ладонью мокрые глаза. Сел на постели. Только начинало светать. В келью через маленькое окно проникал свет, золотя иконы в красном углу. Стол, два жестких стула, конторка, полка с трудами святых отцов, узкий платяной шкаф, прикроватная тумбочка. Правильнее было ее назвать «притопчанная»: иеромонах спал на узком, грубо сработанном ложе – топчане. Вот и вся обстановка крохотного жилища.

«Как моя келья напоминает каюту в подземном учебном центре!» – подумал отец Алексий. Этот странный сон не выходил из памяти, снова возвращая его к операции «Борода Зевса».

Он не удивился, что в ночном виденье подкралась к нему эта небылица, родившаяся когда-то в его больной голове. Нет-нет да и посещали его воспоминания о диковинном тренинге в молодые годы в бункере под Каракумами.

И хотя он отлично знал, что воспоминания эти были мнимыми, что никогда не учили его штурмовать небеса, ловить Зевса за бороду, что все это только миражи, горячечный бред, визитная карточка опухоли мозга, – полного согласия с собой у Зацепина не было. Видения подземной стажировки являлись к нему столь яркими, отчетливыми, подробными, что от них не так-то легко было отделаться.

Впрочем, и сегодняшний сон отличался избытком деталей, но не принимать же его за правду! Зацепин усмехнулся, вспомнив «римлянина», изумрудные кирпичи, «живых и призванных», скафандр, болото...

Приснится же подобная чепуха! В таком роде представлять путешествие в рай может кто угодно, но только не он, духовное лицо, священнослужитель.

«Все так. Но если „Бороды Зевса“ не было, если не штудировал я в молодости Библию, откуда взялся у меня этот порыв к воцерковлению, к монашескому служению? – задавался вопросом Зацепин. – Ведь больше ни с какой стороны не могли упасть зерна религиозного чувства в мою атеистическую душу!»

Стремление отгородиться от действительности, оборвать дружеские связи, отказаться от любви женщины, рассуждал дальше Зацепин, – это объяснимо для отчаявшегося и озлобившегося калеки, каким он стал после трепанации. Но закрыться от жизни, фигурально уйти в монастырь – совсем не то, что сделаться послушником, а потом принять постриг в Новогатинской обители.

Выходит, его судьбу некогда определила нездоровая фантазия мозга, в котором угнездилась жирная личинка опухоли. Это она, менингиома¹, давя на мозговую плоть, вызвала в сознании Зацепина колоритную иллюзию. Надиктовала образ подземного учебного центра, где бойцов невидимого фронта тренировали вербовать апостолов. Болезнь сотворила академика Неелова, друзей-разведчиков и учебный курс религиозных догм. Получается, что опухоль стала тем миссионером, который просветил Зацепина по религиозной части.

Вклеенную в память поддельную страничку несчастный человек стал считать фактом своей биографии. Его поднимали на смех, командование гневало. Но Зацепин – сначала из госпиталя, после удаления опухоли, с замотанной бинтами головой, а потом из своей сине-

---

¹ Менингиома – опухоль мозга.

куры – музея – слал рапорты и запросы о «Бороде Зевса», настойчиво, нарушая субординацию, разыскивал Зуева, Непейводу, майора Круглова, и академика Неелова, и генерал-полковника Осокина...

«Нет таких в наших кадрах и не было! – чуть не кричали на него в кабинетах. – Вы никогда не служили в Туркмении! Никаких наших объектов в Каракумах нет. Вам нужно дальше лечиться».

И намекали, что лечиться ему следует в психушке. Но он не унимался и разослал письма на домашние адреса офицеров – соучеников по подземному центру. Письма возвратились, не найдя адресатов.

Зацепин только тогда утих, когда ему пригрозили увольнением из органов. А потом он сам попросился в отставку. В религии, в вере увидел он пристань для своего отчаяния. В эти ножны он мог вложить острую муку от несбывшихся надежд, подбитой на взлете жизни...

Собираясь на утреннюю службу, отец Алексей из ящика стола вынул маленькое ручное зеркало. В келье не было настенного зеркала, как не было и занавесок на окне, что подчеркивало аскетизм ее обитателя. И ежедневный взгляд в припрятанное зеркальце – это была единственная, пожалуй, неискренность, допускаемая Зацепиным в своем монашеском бытии. Единственная ли? – Если бы так...

В зеркале он видел узкое бледное лицо с высоким лбом в обрамлении длинных темных с проседью волос. Морщины от носа к краям тонких, строго сжатых губ. Небольшая окладистая борода, наполовину седая. Особенно впечатляли глаза – темные, глядящие с требовательностью и добротой. Внешность праведника, ревнителя веры, живущего в непререкаемом согласии с собой и Божьим миром.

Почему же этот иконописный лик, которым можно было гордиться, теперь казался ему маской? Потому, что все чаще приходили к отцу Алексею недостойные мысли, не вяжущиеся с истовостью и благообразием в его наружности. Он допускал к себе зависть. Он завидовал мирянам, их безыскусной жизни, в которой было место суетным заботам и телесным радостям. То есть всему тому, о чем он дал обет забыть, избрав одинокий путь любви к Богу.

Вот и сейчас он со вздохом сожаления припомнил себя из недавно покинутого сна – сильного, пышущего здоровьем, с крепкими мускулами, не знающего преград, молодого, готового пустить в дело нож и автомат...

А ведь он и теперь не стар – только пятьдесят седьмой пошел. И давно выправилось здоровье. Костяная заплатка на черепе приросла накрепко, надежно закрыв дыру, проделанную трепаном. И не найдешь ее под волосами.

Лет восемь назад совсем прекратились головокружения и боли, в левую руку вернулась подвижность. Врачи, придирчиво разглядывая на снимках его мозг, поздравляли с полным излечением.

Тогда-то он, уже выделенный братией и начальством за усердие и сметливость, получивший духовное образование, впервые услышал лукавый шепот: «Зачем ты похоронил себя в монастыре? Не поспешил ли ты? А Вера? Для чего ты оставил ее? Угодна ли была эта жертва Богу? Подумай, возможна ли любовь к созданному Им миру без любви к женщине? Чего стоит этот мир без женской любви и красоты?»

Это дьявол искушал его. Зацепин спасался от обольщения молитвой. Пылко благодарил того, кто взял у него такую малость – жизнь земную и в ком обрел он жизнь бесконечную.

«Да малость ли? Ведь это твоя жизнь. И посмотри, во что ты ее превратил. Может, не поздно переиграть?» – не унимался нечистый...

И нынешний сон, конечно, тоже послал враг рода человеческого. Чтобы опять внести смуту в его душу. Рассудив так, отец Алексей утренние молитвы творил с особенным жаром, прося у Бога твердости в монашеском подвиге.

После службы в храме, когда монахи расходились, его робко окликнул послушник Клим:

– Благословите, отец Алексей.

Этому застенчивому, но любознательному, смазливому юноше, бывшему актеру, отец Алексей покровительствовал. Он испытывал к нему отцовские чувства, был наставником в духовных, а больше в практических вопросах.

Дело в том, что Клим из-за постоянной углубленности в себя был рассеян, послушания, как именуют в монастыре обязанности, исполнял без усердия, спустя рукава, за что получал взыскания. Отец Алексей учил молодого брата правилам и тонкостям монастырского общежития, советовал, как делать ту или иную работу.

Впрочем, без особого успеха. Сейчас Клим нес послушание в гостинице для паломников. Он нередко забывал выдать богомольцам постельное белье, они частенько рисковали остаться без обеда, потому что Клим сообщал им неверные часы посещения трапезной.

– А ведь я гонцом к вам, – озабоченно сказал Клим.

– Гонцом?

– Один из прибывших вчера паломников просит встречи с вами. Фамилия его Неелов.

– Как?!

– Академик Неелов.

Глава 5 «Оракул»

Из мобильного телефона зазвучал марш. Черноволосая женщина – ярко накрашенная, что придавало ее броской красоте какой-то театральный характер, в необычном золотом одеянии, – опередив мужа, рукой в перстнях схватила телефон со стола.

– Да! Да!

– Кто это? – растягивая слова, спросил нахальный голос.

– Вера... – Женщина сделала мужу страшные глаза, что означало: «Они». – Ясновидящая Вера... Я – мать...

– Слушай, мать. Твои котята здесь. Догоняешь?

– Да, мы знаем. Не делайте им ничего, пожалуйста! Обещаю, мы все выполним, что вы хотите!

– Это не мы хотим. Это ты хочешь. Чтобы твоих котят в ведре не утопили. Включи мозги!

– Конечно, я хочу... включу... Не трогайте их. Я вас умоляю... – Женщина заплакала.

В трубке выругались.

– Зови твоего, с которым я вчера говорил...

Вера, всхлипывая, протянула телефон мужу, полное холеное лицо и вся представительная фигура которого выражали крайнюю растерянность. С ним заговорил уже другой голос – энергичный, густой:

– Аркадий Дмитриевич Неелов? Наследники ваши погостят у нас, пока вы уладите недоразумение. Ведь речь идет о недоразумении?

– Да, безусловно! Вера не может уловить трансфлюиды из грядущего. Наверное, переутомилась, и ее третий глаз потерял восприимчивость. – Толстые щеки мужчины затряслись, высокий с залысинами лоб и даже посеребренные сединой виски покрылись потом. – Временно потерял. Я убежден, все скоро придет в норму. Мы работаем над этим...

– Технология меня не интересует. Не знаю, как вы угадываете будущее, но делали это хорошо. Вы давали нам важные ориентиры в бизнесе. Кому «нам», не уточняя, вы знаете, от чьего имени я говорю. Мы привыкли полагаться на вас и ходить с крупных карт. И вот сейчас, когда на кону миллиарды, вы нас подводите. Нам позарез необходима информация о перспективах криптовалюты и об изменении цен на углеводороды. У нас сделки стоят размером с автобус, вникаете?

– Мне очень жаль. Мы сделаем все от нас зависящее. Завтра, крайний срок послезавтра вы все получите... – мямлил Аркадий Неелов.

– Если третий глаз закрылся, откройте его. Иначе нам придется заняться глазами ваших ребятишек. Вы станете получать по одному глазу в пластиковом контейнере. Знаете, в таком... Ну, в какие в супермаркетах салаты пакуют. Впрочем, вы в магазинах не бываете, за вас все прислуга делает. Неудивительно, если знать, сколько мы вам отваливаем за предсказания.

– Вы не посмеете...

– Посмею. Вот только пока не решил, с кого начать. С пацана или...

– Это чудовищно!

– Или с глаз девчонки?.. Она так хочет увидеть родителей. Пусть посмотрит.

В трубке булькнуло, и она опустела.

– Отключились, – пролепетал муж. Он опустил в кресло, сжав в кулаке коробочку телефона так сильно, что побелели пальцы.

– Ну что, что?! – вскрикнула Вера. – Они не навредят нашим детям?

Аркадий Неелов неопределенно покачал головой. Он не решился передать жене слова похитителя. Пробормотал:

– Все-таки придется обратиться в полицию...

– Да ведь они не велели! – запротестовала Вера. – Если узнают, сразу убьют детей! Ты видишь, они ничего не боятся. Тебе сказали что-то страшное сейчас?!

Неелов только обреченно махнул рукой...

Вера и Аркадий Нееловы находились в золотых чертогах ясновидящей. Кричащая роскошь и нарочитая таинственность кабинета современной ведьмы, всегда так впечатлявшие клиентов, теперь словно смеялись над родительским горем.

Комната была обставлена бесценной мебелью из красного дерева. На столах и обрядовых алтарях, устланных магическими скатертями, лучились золотом и бронзой шандалы и канделябры, сверкали хрустальные шары, пирамиды, причудливой формы кристаллы, а на стенах отливала лаком, играли цветами живописные портреты Веры. На картинах кисти модных и страшно дорогих художников Вера представляла демонически прекрасной, с зелеными в поллица очами: вещунья, прорицательница, для которой нет тайн за порогом завтрашнего дня. Дорогая обстановка и загадочные атрибуты чудесного промысла, как и двухэтажный в центре Москвы особняк, где вела прием знаменитая предсказательница, были куплены на деньги от пророчеств Веры.

К которым, надо сказать, она не имела никакого отношения. Все ее ясновидение было представлением, шоу. Имитируя пребывание в трансе, нараспев, раскачиваясь, закатив глаза так, что на публику смотрели жуткие белки, Вера только оглашала заученные тексты, которые вручали ей Аркадий или его отец, академик Дмитрий Дмитриевич Неелов.

Когда много лет назад Аркадий Неелов предложил Вере поучаствовать в семейном бизнесе по торговле будущим, изображая провидицу, он открыл ей источник экстраординарных сведений.

Оказывается, академик Неелов построил машину, вроде очень мощного компьютера, по вычислению предстоящих событий. Машина называлась «Оракул». Вере продемонстрировали гудящий шкаф с многочисленными рычажками и тумблерами, по которому разгуливали разноцветные огоньки. На журналистку, гуманитария до мозга костей, недавно вошедшую в семью физиков, эта «трансформаторная будка», знающая, что будет, произвела огромное впечатление.

– Ее не прятать нужно, а наоборот. Это же сенсация! – заговорил в ней репортер. – Нобелевская премия вам обеспечена, – обратилась она к свекру.

– Времена сейчас не для науки, – невесело заметил академик. – А за предсказания заплатят столько, что Нобелевка покажется мелочью. Так что ты уж постарайся, дочка, сыграй жрицу победительнее. Ты будешь привлекательной обложкой для нашего общего дела. А машину мы лучше сохраним в тайне.

Вера согласилась скорее из любопытства, чем в расчете на какую-то выгоду. Первые же опыты увлекли ее, открыли в ней склонность к актерству. Она подолгу репетировала «гипнотические» взгляды, научилась говорить глубоким грудным голосом. Отрастила пышную гриву, перекрасилась в брюнетку, пряди закалывала золотыми гребнями, на лоб повязывала ленту с магическими символами. Губы мазала пожарной помадой, густо подводила глаза. Женщина являлась клиентам в золотом балахоне, испещренном рисунками микрокосма, пентаграммами, знаками зодиака и каббалы. Многозначительные пассы перед замороженными посетителями ее чертога ясновидящая производила открытыми по локоть обольстительными руками в браслетах, с ярко-алыми длинными ногтями. Чарующий таинственностью и красотой образ ведуньи двадцатого века не сходил с рекламных щитов.

На дворе тогда стояли девяностые годы, ученые торговали обувью, сигаретами, пивом на рынках и в подземных переходах или искали счастья за морями, а маги, астрологи, чародеи, целители появлялись обильно, как грибы после дождя. Семейное предприятие Нееловых оказалось в счастливой струе и очень скоро стало приносить баснословные доходы.

Женщина со временем так вошла в роль колдуньи, что почти верила, будто именно она провидит будущее и сама исторгает предсказания. Она покупала квартиры и дома, дорогие машины, ездила в круизы, на курорты по всему миру, ее дети учились в Лондоне... «Чародейка и миллионерша – неужели это я?» – удивлялась Вера. Ей иногда казалось, что фантастическая, сказочная жизнь, которую она проживает, – не ее, чужая.

А месяц назад «Оракул» сломался. И теперь Вера была вынуждена отказывать всем, кто жаждал заглянуть в завтра. Целыми днями она с Аркадием упрашивала клиентов подождать. Тем, кому взгляд в будущее уже был обещан, платили неустойки. Некоторые ни за что не хотели входить в положение бедной ведьмы. Самыми несговорчивыми оказались мерзавцы из «Дирижабля». Вера и Аркадий и предположить не могли, что те осуществят угрозы и украдут детей, школьников Надежду и Никиту. Ведь даже фанатики из «Красной гвоздики» – экстремистской подпольной шайки, ставящей целью восстановить Советский Союз, – заложившие в уплату Вериного предсказания свои квартиры, пока не исполнили обещания подпалить особняк ясновидицы. И опять жизнь Веры казалась ей чужой. Не могло быть в ее жизни столько ужаса и беспросветного мрака!

– Ах, как бы я сама хотела сейчас заглянуть в будущее! – твердила Вера.

Все свое отчаяние и боль она выплескивала на мужа. Это он, надоевший, был причиной ее бед. Ему она обязана этим кошмаром наяву. «Ты меня втянул во все это! Из-за тебя я стала посмешищем, мошенницей! Бросила газету. Ты лишил меня доброго имени и профессии. Превратил в цыганку с рынка: „Позолоти ручку, дай погадаю“! А теперь хочешь погубить детей!» – осыпала она упреками супруга.

Общая беда не сблизила ее с мужем, а, напротив, порвала последние нити, связывающие их. Она никогда его не любила. Ведь если мы говорим, что любим уютное кресло у камина, это означает, что оно нам только нравится. Так когда-то понравился ей и Аркадий – аспирант научного института, куда она пришла за комментарием для статьи. Вежливый, интеллигентный, мягкий, симпатичный мальчик. И к нему, очень домашнему, так подходила атмосфера большой родительской квартиры в сталинской высотке.

Вот кто действительно ее очаровал и в кого она влюбилась с первого взгляда, был его отец, академик. Человек-фейерверк, чудаковатый, как все гении, но полный жизни. Он со вкусом ел, пил, со страстью рассказывал о своей работе, поминутно с нарочитой многозначительностью прикладывая к губам палец: «Тсс, об этом молчок, военная тайна!»

У Аркадия словно всего было вполовину от отца. Тот – академик, этот – кандидат наук. Старший Неелов хохотал, младший – посмеивался. Неелов-отец от избытка энергии бегал, а наследник выступал с подчеркнутой солидностью. Академик Неелов и под восемьдесят лет оставался живчиком, не утратил стремительной походки и творческого горения. Аркадий после сорока обрюзг, отрастил живот, что только прибавило ему респектабельности, забросил науку и был вполне доволен должностью генерального директора компании имени своей жены – «Вера».

Похищение детей парализовало его волю. Он раскис и впал в горестное оцепенение, из которого Вере приходилось его выталкивать.

Нет, на него нельзя было уповать, он ей с детьми не защитник. Вера куда больше надеялась, что спасение придет от академика Неелова. Свекор не мог отремонтировать «Оракула», но присутствия духа не терял. Вчера он уехал «решать вопрос», как он выразился. Куда, – ни он, ни муж ей не сказали. Академик обещал вернуться через два дня.

– Надо сообщить Дмитрию Дмитриевичу, – прервала молчание Вера, – что они снова выходили на связь. Что торопят, угрожают. Пусть он поспешит, если ему дороги внуки... Слушай, давай сами сочиним прогноз и сбудем этому ужасному «Дирижаблю». Ради детей!

Аркадий Неелов перестал вытирать носовым платком лицо и шею.

– Ты считаешь, я об этом не думал? Но тебе же хорошо известен наш принцип трех дней...

Он не стал продолжать. Вера действительно отлично знала этот принцип, установленный ради клиентов, покупающих информацию о далеком будущем. Он был своеобразной гарантией доброкачества волшебного товара ясновидящей Веры. Три дня подряд должны были сбываться краткосрочные, на одни сутки, предсказания. О несчастных случаях, судебных приговорах, результатах спортивных соревнований. Только после того, как клиент на этих примерах убеждался в непогрешимости Вериных пророчеств, он оплачивал сценарий того, как будут идти дела через год или сто лет.

Принцип был широко разрекламирован, и обойти его было невозможно. Кстати, большинство клиентов просили ясновидящую пролить свет именно на ближайшие день, два, неделю. Цена дальнего будущего была не в пример дороже. Холдинг «Дирижабль», который стоял за похищением детей Нееловых, всегда интересовался только многолетней перспективой. А уже месяц ясновидящая Вера не могла предложить покупателям ни краткосрочных, ни длительных сценариев предстоящего...

– Ну, давай звони отцу. И ступай чинить машину.

– Я позвоню... А «Оракула» чинить не пойду.

Она вскинула на него удивленный взгляд. Последнюю фразу муж произнес твердо, а не тем убитым, бесцветным голосом, к которому она привыкла за дни потрясений.

– Вера, я должен открыть тебе тайну, – продолжил Аркадий Неелов, вставая. – Это его, отца, тайна. Наша тайна. И тебе пора ее знать. Он разрешил. Сойдем вниз.

– Что еще за тайны! Мало мне несчастий, а тут какие-то тайны! – поохала Вера, но пошла за мужем.

Они проследовали через пустую приемную, спустились по широкой, облицованной мрамором и украшенной фигурками химер на каменных перилах лестнице на первый этаж, в просторную переднюю, а оттуда по узкой боковой лестничке – в подвал.

Неелов отпер металлическую дверь, включил свет, озаривший тесный коридор, идущий под домом. В него выходили запертые двери. За одной из них стоял проклятый забастовавший «Оракул». Что за другими, Вера не знала. Она думала, что муж ведет ее к сломанной машине-предсказателю. Но – нет. За поворотом коридора была всего одна неприметная белая дверь. Аркадий Неелов побарабанил в нее условным стуком. Щелкнул замок, из отворившейся двери выглянул мужчина в черном и отступил, давая гостям дорогу.

– Входи, Вера, – сказал муж, пропустив ее вперед.

Вера вошла в тесноватую комнату без окон, со стенами, задрапированными темным шелком. В центре – круглый стол. На нем – доска с рядами крупных букв и словами «Да» и «Нет», на доске – белая перевернутая тарелка с черной стрелкой. По краям доски – свечи в высоких подсвечниках. Свечи не горели, освещала комнату плоская люстра под низким, тоже черным потолком.

Из-за стола поднялся лысый мужчина в красной широкой рубахе. На грудь его свисала на массивной золотой цепи многоконечная звезда. Второй обитатель комнаты, который и отворил дверь, встал у стола, выжидающе глядя на вошедших. На лицах обитателей этой мрачной комнаты лежала печать сильного утомления.

– Выглядит, как филиал моих чернокнижных покоев, – удивленно промолвила ясновидящая.

– Нет, Вера, это скорее филиал нашего «Оракула». Точнее, это наши настоящие оракулы, – сказал Аркадий Неелов. – Перед тобой спириты, медиумы. Познакомься. Фронт, – он кивнул на звездоносца, который по-военному коротко кивнул Вере и щелкнул вдруг каблучками. – Да, это фамилия его Фронт... И Капустин. Здесь они проводят спиритические сеансы. Сеансы связи с нашими агентами в потустороннем мире. Именно от них мы получали знания о будущем. А вовсе не от «Оракула», который – только набитый бесполезной электроникой ящик. Ну что, молчат? – обратился он к лысому.

– По-прежнему. Сил больше нет!

– Все равно вызывайте, вызывайте!.. Месяц назад, – сказал он Вере, которая потрясенно молчала, – наши небесные информаторы перестали выходить на контакт. Отец хочет послать еще одного агента.

– Куда послать? – озадаченно спросила Вера.

– Туда, в загробный мир. Он за этим и отправился, чтобы все устроить. Поехал в Подмосковье, в монастырь. Представляешь, этот агент – монах!

– Монах? – переспросила Вера.

Глава 6

Встреча старых знакомых

– Вы мне сегодня снились, – сказал отец Алексей.

Сомнений быть не могло. Перед ним – постаревший, но – он собственной персоной. Академик из его сна. Из его ложных воспоминаний.

– Сон в руку, – радостно подхватил академик Неелов и, так знакомо Зацепину, пятерней отбросил наверх со лба волосы. Его эйнштейновская «шапка» не потеряла густоты, но была снежно-седой. – А вы все не верите, что я – это я.

– Не верю. Меня убедили, что вас – нет, что вы плод моего воображения.

Они сидели друг против друга за столом в углу вестибюля паломнического корпуса или «гостиницы», как это здание называли в монастырском обиходе. Отец Алексей в длинном до пят черном подряснике и скуфье, Неелов по-молодежному – в джинсах и майке-безрукавке.

– Так и было задумано! – объяснил академик. – Я лично рекомендовал, чтобы ту учебу для вас представили как бы и не бывшей. Что якобы никаких курсов не было. И меня не было, и всех. Чтобы списать все на болезнь, галлюцинации.

– Да ведь вы меня чуть с ума не свели! Разве не проще было приказать мне все забыть?

– Мы заботились не о секретности, а о вас, Алексей Павлович. Случайность отняла у вас шанс отличиться в великом деле, операции столетия. Да что там операции – грандиозном прорыве человечества за горизонты познания! Вы могли вписать свое имя в историю, но оказались отставленным в сторону. Какой удар, какое разочарование! Как бы вы жили с этим чувством? Да эта психологическая травма убила бы вас вернее опухоли!

Отец Алексей задумчиво погладил рукой бороду, но не мог не признать справедливость слов академика.

Однако новая мысль заставила его поднять брови.

– То есть сама операция существовала? Вы это утверждаете? Пусть я выпал из обоймы, но остальные продолжили дело?

– Конечно. «Борода Зевса» – не ваша фантазия, – подтвердил Неелов, понизив голос.

В помещении становилосьлюдно, сновали монахи и миряне, несколько человек, присев на лавки вдоль стен, разговаривали.

– И майор Круглов – Дед, правда, улетел тогда на небо, в рай?.. А самбист Зуев? – недоверчиво спрашивал монах.

– И Зуев, и Непейвода.

Отец Алексей пожал плечами.

– Простите, Дмитрий Дмитриевич, но я переживаю какое-то дежавю. Двадцать пять лет назад вы настаивали, что это возможно и даже в порядке вещей: полет к Богу за его секретами, прости, Господи. А я не хотел, не мог верить. И вот все повторяется! Но я ведь не стал доверчивее. И я уже не ваш курсант, готовый принять из рук отцов-командиров любую ахинею. За четверть века идея райской разведки не стала мне ближе, понятней. Сейчас она выглядит для меня как никогда абсурдно. И даже реальность учебного центра, его преподавателей, нас – слушателей, ваша, Дмитрий Дмитриевич, вовсе не делает реальной обозначенную цель операции.

– Но «Борода Зевса» теперь уже не только теория, но и практика.

– Вы хотите сказать, что операция состоялась? И у вас есть доказательства?

– Есть.

– Какие, где?

– Они будут вам предоставлены.

Отец Алексей только перевел дух. Сказал словоохотливому академику:

- Вы не назвали цель вашего посещения. Зачем вы разыскали меня? Что вас привело?
- Я хочу дать вам еще один шанс.
- Не понимаю.
- Прожить жизнь не напрасно. Принять участие в операции «Борода Зевса».
- Что-что?.. – Священник не находил слов.

Неелов кинул взгляд на чинно беседующих по соседству монахов, перегнулся через стол к отцу Алексию и доверительно заговорил:

- Операция идет. Она вступила в новую фазу. И вы очень нужны. Я приехал за вами. Повисла долгая пауза.

– Не знаю, кто из нас сейчас бредит или галлюцинирует, – наконец заговорил отец Алексей. – Утро началось со странного сна. Потом появились вы, человек из этого сна. И зовете опять в сон. Да вы поймите, вся прошлая жизнь для меня – теперь лишь сон. Отрезанный кусок. Даже если бы я сочувствовал вашим занятиям, верил в какие-то невысказанные тайные операции, ну какое я могу сейчас иметь к ним отношение?! Разве я похож на солдата, воина? Я четверть века не стрелял по мишеням, не крутил «солнышко» на турнике, не боролся. У меня ватные мышцы и сутулая спина. Давно позабыл все пароли и отзывы. Я пожилой человек. И я священник, монах! Я посвятил себя Богу. Как вы можете мне предлагать участие в таком деле? Разве теперь в КГБ...

- В ФСБ, – поправил Неелов.
- В ФСБ нет годных людей?

– Так ведь и славно, что вы священник. Значит, вы для них... – Неелов указал пальцем в потолок, – свой человек. Вам легче будет вживаться, входить в доверие к окружению и к Самому.

– Не богохульствуйте, Дмитрий Дмитриевич. Нет, в самом деле, настолько обеднела разведка кадрами, что вы полезли в архив? И какие секреты вы теперь добываете? В интересах кого работаете? Страны, которая строила рай на земле, нет. Весь мир вроде строит одно и то же и идет в одну сторону...

Неелов опять откинул со лба волосы, словно поднял забрало.

– Буду с вами откровенен. В статусе операции произошли изменения. Когда не стало КГБ, закрыли и программу «Борода Зевса». Сейчас разведка, государство не имеют отношения к операции. Как и я – к обороне страны. Но операция продолжается. Я веду ее, так сказать, в частном порядке...

- Приватизировали операцию КГБ?!
- Неелов рассмеялся, как человек, который всегда рад меткому словцу.
- Корректнее сказать: принял эстафету...
- И что вы ищете в будущем? Кому поставляете информацию?
- Структурам и частным лицам, которые к нам обращаются.
- Не бескорыстно, я полагаю?
- Даром только птички поют, батюшка.

Отец Алексей припомнил, как в подземном учебном центре сомневался в здравом уме Неелова. Теперь речи этого человека снова наводили на мысль о помешательстве. «Но кто сошел с ума? Может, это я обезумел и грежу? Разговариваю сам с собой? Или опять дьявол меня морочит? Насыляет обольстительные сны, фантомы седовласых академиков...»

- Воистину: верую, потому что нелепо! И вы зовете меня на работу в свою фирму? Расширяете компанию?
- Остры вы на язык, Алексей Павлович! Ваша задача – помочь своим товарищам.
- Товарищам?

– Вот именно. В штате моей фирмы – если следовать вашей терминологии – работают ваши однополчане. Мы их уже упоминали: Круглов, Зуев, Непейвода. Они мои небесные корреспонденты. Так вот: с ними плохо. Полагаю, они провалились.

– Провалились? То есть схвачены, арестованы? Но кем? Ангелами? Чертями?..

– Чертями, бесами. Адскими отродьями. Ведь ад – это не только место исполнения наказаний. Это еще и контрразведка, и полиция тонкого мира.

«Мне давно надо бы подняться и уйти, а не слушать явно ненормального человека и не возражать ему», – подумал отец Алексей.

Но он не мог заставить себя прервать беседу. Вопреки всему разговор увлекал его. Академик Неелов – настоящий или воображаемый – был отцу Алексею нужен и дорог. Как земляк, встреченный в чужом краю. Как старое письмо или фотография. Привет из молодости. Где осталось зарево северного сияния, пропахшая потом спортивная раздевалка, друзья, любовь, воодушевление бойца, мужские страсти и азарт. Откуда его выдернула болезнь и увела в строгие пределы монастыря.

Его тянуло к Неелову, ему было отраднее говорить о «Бороде Зевса» – пусть это всего лишь сказка. Ему хотелось вспоминать себя персонажем из этой сказки – бесстрашным богатырем. Слова «операция», «контрразведка», фамилии друзей-разведчиков звучали для него сладкой музыкой. Поэтому он без раздражения отечески увещевал Неелова:

– Согласитесь, Дмитрий Дмитриевич, что я не могу принять то, что вы излагаете. Ад, по-вашему, – контрразведка и полиция? Это же ни в какие ворота не лезет. Противоречит всем канонам. Как и ваши представления о рае. Уж поверьте мне, священнику.

– А вы соглашайтесь на мое предложение, и своими глазами убедитесь, – настаивал Неелов. – И своих товарищей вызволите из беды.

– И поправлю дела вашей фирмы?

– Это одно и то же.

– Я помолюсь за вас. И за товарищей. Это все, чем я могу поспособствовать.

– Нет! – отрезал Неелов. – Отказа я не приму! Вы должны сказать «да». Жизнь детей от этого зависит.

– Каких детей?

– Моих внуков! – Неелов разнервничался и покраснел. – А вы бесчувственный, жестокий! Какой же вы священник? Где же ваша любовь?!

Последние слова он выкрикнул, собрав взгляды всех присутствующих в вестибюле.

«У него, видно, и правда большая беда», – подумал отец Алексей. Из желания успокоить старого знакомого, сказал:

– Хорошо, хорошо. Допустим, я соглашусь отправиться на небо. Вы меня на ракете туда доставите, как когда-то сулили? У вас имеется и частный космодром?

– Нет, космодрома у меня не имеется, – ответил академик. Он уже взял себя в руки.

– А как же тогда я доберусь в рай? Ну, поведайте мне! Представим, что я согласен. Что тогда?

– Тогда я попрошу вас покончить с собой. Или придется убить вас. Вы должны умереть. Другого пути на небо нет.

Глава 7

Чертова контрразведка

Демон сыска по имени След за ликвидацию шпионского гнезда в райской библиотеке судеб получил должностное повышение и пять земных дней отпуска. Каникулы адский контрразведчик провел на Южном полюсе. След раздувал черными крыльями метели и парил исполинской летучей мышью в снежных вихрях над полями антарктических торосов, нежась в веющей от них стуже, катался на айсбергах.

Но пока он отдыхал от пекла и толчеи преисподней в холодильнике планеты, завершённое дело не шло у него из ума. По возвращении, воцарившись в своем новом кабинете – начальника контрразведывательного отделения – в форменном облачении с соответствующими высокому чину распростертыми десятиметровыми крыльями, он затребовал дело и вчитался в него.

Оттиснутые на пергаменте строки наливались кровью под взглядом горящих глаз падшего ангела. Да, сомнения не напрасно точили его. След нашел, где дело проседает, понял, что же осталось не выясненным следствием.

Демон поднял огненный взгляд от кожаных страниц и задумчиво вперил его в прямоугольник картины, мерцающей на стене во мраке кабинета. На холсте был он сам, реющий над алебастровыми наконечниками гор. Тело атлета вытянуто в стрелу, в чеканном лице – вдохновенная дерзость. Мятежно развернутые крылья похожи на черную мантию, полог беспросветной ночи, который он хотел бы опустить над всем мирозданием.

«Демон летящий»². След узнавал себя в изображении и очень гордился им. Только он обладал законченным шедевром. Автор, чья фамилия была как удар долота по мрамору, коротавший вечность в геенне, не отказал ему в просьбе сделать повторение. А вот на земле вызывал восторги недоработанный первенец.

Мастер писал два земных года. На это время хлопотами Следа его освободили от адских мук. Райского блаженства художник был лишен как раз за воплощенную в красках «демониаду». Впрочем, покинул своего заказчика художник без сожаления.

– Творчество – это пытка страшнее любых ваших терзаний. А наслаждение от творчества я испытал такое, что все прелести рая меркнут перед ним, – оставил он демону парадокс, возвращаясь во тьму и скрежет зубовой адских застенков.

Портрет всегда окрылял демона, если можно так выразиться о крылатой твари. Он ощутил прилив сил и бодрости. И перестал винить себя в недостатках следственной работы.

Упущения в таком исключительном расследовании извинительны. Никто ведь не хотел думать о мелочах, внимание к частностям расценивалось как саботаж. Начальство требовало гнать дело, интересуясь только подтверждением главного – факта Отступничества.

И когда факт этот был, безусловно, доказан собранными уликами, темный мир охватило неслыханное ликование. Ад узрел надежду на решительную победу в историческом соперничестве с силами света.

Только подумать, впервые три души, уже спасенные и допущенные в рай, добровольно отринули райские улады и общество самого Всевышнего! Проявив свободу воли, они направили деяния на то, чтобы, пребывая рядом с Богом, вредить ему. Эта троица – Круглов, Непейвода и Зуев – была незамедлительно вышиблена из небесного рая, подобно Адаму и Еве, изгнанным из рая земного. Но если первых людей после выдворения из Эдема ждала полная превратностей земная жизнь, то души отступников были брошены в ад.

---

² «Демон летящий» – картина художника Михаила Врубеля, незаконченная. Находится в Русском музее в Санкт-Петербурге.

Разоблачение шайки было целиком заслугой демона сыска. А все потому, что След всегда стоял за пресечение любых контактов между миром живых и миром мертвых. Кое-кто в их системе сквозь пальцы смотрел на спиритические диалоги людей и духов. В конце концов, рассуждали такие попустители, вреда от этой «почты» не много.

Ведь духи умерших, которых наивные земляне считали всеведущими, на самом деле не могли сообщить достоверных сведений ни о судьбах Вселенной, ни об устройстве загробного мира, ни о будущем человечества или отдельных индивидуумов. Духи грешников – потому, что не имели доступа к этим секретам. А духи, вызываемые из рая, способны были только тарыхтеть об испытываемом блаженстве общения с Богом, прочие темы их не интересовали. Разве что посредством спиритических «свиданий» со своими почившими родичами, организованных медиумом, люди узнавали о припрятанных завещаниях и банковских счетах...

Созданная демоном сыска служба психопеленгации позволила быстро выявлять эти наводимые спиритами мостки. Она же засекала устойчивый спиритический канал, через который группа богоотступников сливала информацию.

И эта информация была не чета пустословию духов. Она была из райской святая святых – библиотеки судеб. Проникнув туда, грязные души видели будущее, как на ладони. К своим прегрешениям они добавили еще одно: склонили к преступному соучастию смотрительницу библиотеки – Атлантиду. И подвели ее под исключение из рая.

«Но почему они замахнулись на Божий промысел? Почему действовали согласованно? Когда успели сговориться?» – ставил След вопрос за вопросом на полях пергаментов. Вот на что дознание не дало ответ. А именно здесь демон сыска увидел опасность. Он поручил этапировать фигурантов дела к себе для дополнительного допроса.

В ожидании преступников След сложил крылья и с подобающей важностью прошелся по кабинету. Он был доволен собой. За каких-то пять тысяч земных лет из рядового ангела мрака, с крохотными, размером с капустный лист, крыльями, он выбился в значительные персоны! А начинал-то, смешно вспомнить: с кочегара в секторе огненного воздаяния. Швырял уголь в топку печи на миллион погибших душ, а позже подкладывал дрова под сковороды эксклюзивно поджариваемых грешников. Тяжелая, грязная работа, и только следи, как бы искры не подпалили оперение! С тех самых пор он возненавидел пламя, пекло, брызги кипящего жира, маркую золу.

Впрочем, его восхождение на административные высоты могло быть стремительнее. Не один и не два раза на этом пути он заходил в тупики, надолго застревал между этажами.

Опыт пригодится в новом походе. Ведь почивать на лаврах След не собирался. Вон как дерзок и честолюбив взгляд на любимом портрете. Даже, пожалуй, излишне, разоблачительно честолюбив. Не кликнуть ли опять художника? Пусть притушит бросающиеся в глаза гордыню и вызов. Не время выдавать свои амбиции.

След вернулся за стол, расправил крылья, вдохнул полной грудью. Из этого кресла открывались захватывающие карьерные дали. Только теперь и настала пора крупной игры. Отсюда начиналась дорога на самую вершину власти. К трону Сатаны.

У демона сыска сладко заныли клыки от предвкушения триумфа. Он грезил наяву, уже видя себя владыкой ада. След фантазировал, как геенну огненную сделает ледяной. Его царство теней – не крематорий, а морозильник с мириадами скованных льдом грешников. Пропавшие души здесь будут наказывать не вечной болью, а безмерным одиночеством. Зачем каждое утро раскаленными щипцами вырывать у бывшего карманника отрастающие за ночь ногти, как по старинке практикует нынешняя администрация, если довольно один раз ампутировать у него все ощущения: от зрения, слуха, обоняния, осязания. Лишить равновесия, ориентации в пространстве, чувства времени. И на века оставить в сиротстве и покинутости.

О, какое восхитительное мучение, какая безнадежность вырастут в такой заброшенной душе! Демон даже застонал от удовольствия. Тут смертной боли запросишь, как наслажде-

ния. Грубого прикосновения палача возжаждешь, как ласки. Бесчувственная душа обречется на самые чудовищные переживания! И если телесные ощущения узников ледяного ада будут погашены, то ярче вспыхнут чувства у людей на земле. Он, князь тьмы, позаботится о таком перераспределении «напряжения».

Возрастет накал впечатлений, сила восприятия. Тем самым увеличится сладость удовольствий, которые ведут к гибели души. Обнаженные тела станут желаннее, кушанья аппетитнее, краски тропических морей еще интенсивнее и ярче, ереси обольстительнее! Полевые работники ада – вербовщики и искусители, ловцы человеков – не преминут этим воспользоваться для заманивания в греховные сети. Какой двуногий откажется от усад, даже грозящих вечной погибелью, если они несказанно приятны?

– Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья, – с пафосом вслух продекламировал След пушкинские строки. Он знал не только земную живопись, но и литературу – отдавая предпочтение детективам, и другие людские искусства, придерживаясь правила, что бить врага можно, только изучив его оружие.

И совсем короток станет шаг от насыщения к обжорству, от любви к разврату, от сомнения к богохульству.

«У всякого найдем слабину. Каждого ухватим! Не станет праведников, и рай опустеет. И в конце истории не Он, Бог, а я, хозяин ада, буду судить род людской. Ко мне перейдет право сильного, а у Папочки, так издевательски демон именовал Отца Небесного, останется только право первородства. Он – породил, а я воспитаю. Вращу порочное племя и уведу в тлен и небытие. И поставлю точку в проекте „Человек“. И посмеюсь, и восторжествую над ним!»

След услышал свой ликующий смех, опомнился. И вовремя: в кабинет после предупредительного карябанья когтями о дверь, которого погруженный в мечты демон не уловил, прошмыгнул конвойный бес. Доложил, что обреченные доставлены.

«Надо же, как высоко я воспарил. Но грандиозный масштаб дерзаний – мой великий признак!» – самодовольно подытожил демон сыска.

Пристально посмотрел на конвойного. Бес подергивал свиным рылом, как бы принюхиваясь. Не показался ли хвостатому подозрительным одинокий смех начальника?

– Введите обреченного Круглова. Остальных придержите за дверь, – строго приказал След.

Впрочем, он не боялся, что его тщеславные замыслы станут известны. Психопеленгаторы берегли от телепатических взломщиков. Сам Сатана не смог бы порыться в голове демона сыска. А вот контрразведка давно провела телепатическую прослушку в кабинеты адских функционеров, и След имел компрометирующие досье на многих своих крылатых и рогатых сослуживцев.

Только в райские границы доступ гражданам ада был наглухо закрыт. Преисподняя, алчущая разрушения рая, словно в насмешку была вынуждена оказывать услуги по охране райских рубежей. Защищать от просачивания флюидов – психического тока, испускаемого спиритами. Выискивать души, незаконно проникшие в рай – из тех, что временно отделились от тела при клинической смерти, коме и заблудились в мире теней.

Сторожевая миссия была платой темного мира за малую толику любви, которую Творец уделял своим падшим созданиям. Без любви не могло существовать даже царство зла. Но полицейскую и контрразведывательную работу в интересах рая демоны вели только извне. В рай их не допускали, командировок в Эмпирей не оформляли, информаторами в раю адская секретная служба не располагала. В рай из чертовой контрразведки уходили только донесения. А порядок в обители блаженных наводили ангелы. Так, именно херувимы по наводке демона сыска навечно выставили за райские ворота Круглова, Непейводу и Зуева, а заодно и Атлантиду.

«А как бы славно было запустить руки в рай. Разведать, что у Него на уме. Познакомиться с Его планами, – снова вознестя в облака воображения След. – Узнать, например, дату второго пришествия, последней битвы, срисовать схему расположения полков этого финального сражения. И выведать, что Папочка предназначал для меня, уготовил ли мне стать царем ада? Хоть бы одним глазком глянуть в книгу судеб, на страничку, где прописан мой путь. Какая досада, что не дано нашему брату полистать эту книжку».

И След, готовясь задать первый вопрос, с обостренным интересом и тайной завистью всмотрелся в того, кому повезло читать книгу судеб в райской библиотеке – обреченного на вечные муки Круглова. Бес прочно усадил грешника на утыканный острыми шипами стул перед столом демона и, помахивая хвостом, удалился.

Глава 8

Допрос

Узнать майора Круглова в создании, корчившемся на иглах, было нельзя. Это был голый карлик с узенькими плечами одно выше другого, впалой грудью, огромным животом, свисавшим бледной каплей до колен тоненьких бледных, как ростки картофеля, ножек и раздутой, в треть туловища, безволосой шишковатой головой. Меж близко посаженных глазок торчал длинный нос. На лоб косо падала черная челка. Левая рука по локоть отхвачена. Из обрубка обильно сочилась кровь, под стулом уже растеклась лужа.

При заключении в ад эфемерные души облачались в специальные тела. Эти «арестантские робы» из особой плоти были идеально приспособлены для восприятия адских наказаний. Тонкая кожа отлично проводила нервные импульсы, как вода электричество. Все тело от макушки до пальцев ног становилось колоссальным болевым рецептором, впитывающим муку, словно губка.

Адские дизайнеры конструировали вызывающе уродливые фигуры – кособокие, низкорослые, с несоразмерными, слишком длинными или короткими конечностями. Лицам придавали черты отталкивающих и скомпрометировавших себя в человеческой истории персонажей или кинозлодеев. Мадам Тюссо – именно она разработала модели тел всех отступников – наградила Круглова сходством с фюрером Третьего рейха.

Да, нынешнее руководство преуспело в усугублении физических и нравственных страданий грешников – в который раз убедился След, оставаясь поборником не телесных, а психологических мучений. Кстати, в раю души, заслужившие блаженство, тоже «одевались» – в молодые, красивые тела, соответствующие великолепию их нравственного совершенства. Круглова при ссылке в ад лишили райского прекрасного тела, сожаление о котором должно было усилить его муки.

– Обреченный, скажите, зачем вам понадобилось передавать на Землю содержание книги судеб? – начал допрос След.

– Я хотел помочь людям, – пропищал Круглов. К безобразным телам голоса прилагались тоже самые отвратительные.

– Но ведь от судьбы не уйдешь.

– Нет, я верю: люди должны знать, что им суждено. Тогда они сумеют выбрать достойное будущее.

– Выходит, Прометей украл для людей огонь, а вы – знания о будущем. И за это расплачиваетесь. И не жалко вам райского курорта? Совсем недавно блаженствовали в небесных чертогах, а теперь истекаете кровью в наших подвалах. Как вас наказывают?

– Распиливают на пятьсот восемьдесят частей. Потом складывают. Наутро куски срастаются.

– И снова пилят?

– Снова.

– Вот я и говорю: так глупо стать бревном на лесопилке! Когда у вас появилась мысль украсть секреты?

– Во время экскурсии по раю для новоприбывших. Нам показали библиотеку судеб. Там меня и осенило.

– Осенило? Или вас кто-нибудь надоумил?

– Никто.

– Скажем, Непейвода или Зуев?

– Нет.

– И когда вы с ними снюхались?
– Мы познакомились в библиотеке.
– А не на земле? – Демон испытующе посмотрел на карлика, ежащегося на шипастом стуле.

Тот поправил челку, сползающую на лоб.

– Нет.

Демон выдержал паузу.

– Сегодня вас пилили? – наконец спросил он.

– Да. Двадцать четыре куска уже отхватили, гады. – Круглов взмахнул обрубком руки, из которого, как из лейки, полетели алые капли.

– Значит, мой вызов прервал экзекуцию? Вот видите, допрос для вас благо. Передышка. В моей власти растянуть ее надолго. Если вы будете говорить правду, а не запираяться.

– Что вы хотите, чтобы я рассказал?

– А вот что. Вы прибыли из пустыни... – След заглянул в дело. – Каракумы?

– Верно.

– Скончались от рака легких?

– Тоже в точку. Никотин убивает лошадь, слышали? И меня прикончил.

– И вот какое совпадение странное. И Непейвода, и Зуев тоже поступили из Каракумов почти одновременно с вами, с разницей в месяц. И характерно, тоже умерли от рака.

– Значит, мы земляки и товарищи по несчастью.

Круглов освоился в кабинете крылатого следователя и вел себя все развязнее и вызывающе.

– А что вы там делали, в пустыне? Вы ведь не верблюды.

Круглов рассмеялся. Его грушеобразное тельце дернулось и глубоко насадило на шипы.

– Ах, елки!.. Вы бы поаккуратнее с юмором, гражданин начальник, а то я всю пятую точку себе расковыряю. Не прикажете подать мягкий стульчик? В плане, значит, налаживания душевного контакта с подследственным...

– И все-таки, что вы там делали в песках?

– Что-что... Змей ловил. Яд у них целебный. Думал, помажу свой рак или настоечки глотну, и наше милое знакомство с вами состоится не так скоро. Сигареткой не угостите, гражданин следователь? Теперь мне уж здоровье нечего беречь. Ну, угостите! Не знаю, как вас по должности и званию...

– Терпеть не могу дыма.

– И это ад у них называется – без дыма! Везет мне, как утопленнику...

Демон уже понял, что перед ним крепкий орешек и расколоть его будет трудно.

– А ваша профессия? Ну, кем вы работали, чем занимались?

– Опять удивляете. Да у вас в деле небось все черным по белому.

– Да, написано, что военнослужащий. И даже больше: сотрудник секретной службы. Так что мы с вами некоторым образом коллеги.

– Ну вот, счастье привалило. Вы бы мне по-свойски какую поблажку дали. А то обрядили в Гитлера, перед сокамерниками стыдно.

– Это в моей власти. Могу даже вашу земную личину вернуть. И от наказания на время освободить.

– Вот это от души! Прямо по-родственному. Мы, профессионалы, всегда друг друга выручим. Рука руку моет. Бывших чекистов не бывает, верно?

След почувствовал уважение к противнику. Отлично держится. Из глаз катятся слезы от боли и унижения, рука воспалилась и орошает пол кровью, а он балагурит. Нет, этого не сломаешь. Но демон продолжал ставить вопросы, чтобы хотя бы формально довести допрос до конца.

– Ваши поделщики Непейвода и Зуев тоже сотрудники тайной службы. А что они делали в пустыне?

– Ну, это у них надо спросить. Может, грибы собирали?

Демон недовольно взмахнул крыльями.

– Я не верю, что вы не были знакомы на земле с Непейводой и Зуевым. Вы одна банда. Вас всех послали к нам, как за линию фронта. С посмертным поручением. На кого вы работаете? Кто вам приказал узнать будущее? Ваша спецслужба?.. – Демон полистал дело, уточняя: – Ке – Ге – Бе?

– Сам ты кегебе, – передразнил Круглов. Он перестал кривляться. Из уродца словно проглянул большой и сильный человек во всем величии своей драмы и подвига. Измученный, но непокоренный. – И кончай крыльями трещать. Ничего я тебе не скажу, курица. Попадись ты мне на земле, я бы тебя ошпал и зажарил. А из потрохов суп сварил. Петух недорезанный. Бройлер. – И майор добавил, что думает о маме «следака пернатого».

Когда конвойный уводил упряма, с языка демона так и просился приказ распилить сегодня этого обреченного на две тысячи кусков. Но След промолчал.

«В конце концов, он дважды мой собрат: разведчик и падший ангел. Ведь его тоже низвергли с небес», – смилостивился демон.

Снисходительность его объяснялась еще и приподнятым настроением. Неудачный допрос только укрепил в уверенности, что он на правильном пути. «Конечно, их послали к нам с заданием. Недаром обреченный замолчал наглухо, когда я коснулся этой КеГеБе. Это операция спецслужбы. А если прислали их, могут прислать и других. Да и всю ли сеть мы накрыли? Нет ли еще каналов связи? Ничего, из остальных я вытрясу все».

Но от обреченного Непейводы он тоже ничего не добился. Этот грешник отбывал вечное наказание, закопанный вниз головой по грудь в кадку с землей. У его тела, похожего на картофельный клубень, не было ни рук, ни ног. Землю поливали нечистотами, и каждое утро из туловища вырастали, как ветки дерева, кривые многосуставные ножки и ручки и покрывались зелеными листьями. А днем их садовыми ножницами откусывали. Кровь стекала в кадку, удобряя почву. На другой день обреченный снова зеленел.

В кабинете демона бесы выкопали несчастного, перевернули и поставили на еще не полностью сформировавшиеся ветви ног. След сразу взял быка за рога и посулил месячный перерыв в мучениях за подробности операции КеГеБе.

Непейвода, у которого вместо волос на голове змеились корни, даже не подумал говорить по теме. Он тут же плюнул в следователя землей и разразился криками о его маме и мамах всех демонов, чертей и самого дьявола. Он так буйствовал, что его пришлось вкопать в кадку. По-другому не удалось заставить героя замолчать.

И только с третьим демону сыска, брезгливо отряхивающему черные перья от земли, удалось сторговаться.

– Да, да, я на все согласен! Только избавьте меня от этого кошмара хоть на день!.. – встретил обреченный Зуев предложение следствия рассказать об операции в обмен на передышку. – Согласна... – поправился он.

Да, падшую душу Зуева адские «портные» нарядили в тело уродливой усатой женщины.

После того как допрос был снят и кабинет опустел, След поинтересовался в каземате особого режима у дежурного беса, в чем же заключалась пытка обреченного, оказавшаяся для него нестерпимой. Выяснилось, что каждое утро Зуев-женщина самопроизвольно беременел, в этом содержалась насмешка ада над известной историей о Святом Духе и Деве Марии. У него за девять часов вырастал живот, а к вечеру он в муках производил на свет младенца, которого всю ночь баюкал и кормил грудью. Мальчика или девочку забирали, а Зуев снова оказывался в положении.

Так вот, как сообщил бес, больше всего страданий этому грешнику доставляли не родовые схватки и не позор от такого «не мужского занятия», а тоска по своим детям. За ночь он успевал привязаться к очередному отпрыску и ужасно горевал по двум десяткам малюток, которых успел произвести на свет и с которыми был разлучен.

– Изобретательно! – про себя похвалил След коллег из отделения назначения наказаний. Вздохнул. Смежным отделением руководил талантливый начальник – демон Аспид. Он вполне мог составить конкуренцию ему, Следу, в борьбе за вышестоящие должности и сам престол Сатаны.

Но теперь, когда обреченный Зуев выложил ему все про операцию «Борода Зевса», След располагал серьезным козырем. Он был уверен, что на место провалившихся разведчиков с Земли придут новые. След перехватит лазутчиков по дороге в рай.

Нет, он пекся не только об очередном служебном поощрении. Он перевербует земных шпионов и пропустит в рай, дав им новое задание! Эти праведники с двойным дном станут его агентами в раю, куда ему и всем слугам тьмы путь заказан. Они прочитают в книге судеб о его судьбе. И если надо, подправят сочиненную Папочкой биографию...

– Давайте сюда девку, – распорядился демон.

Собственно, необходимости допрашивать Атлантиду не было, След уже выяснил все, что его интересовало. Но он не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться на красотку. Он еще во время следствия запретил отбирать у души погибшего острова облик, присвоенный ей в раю, – прекрасной женщины.

Ушедшие на морское дно острова и целые материки, сглаженные до основания ветром и водой горы, пересохшие реки, разрушенные дома, замки, упавшие мосты получали жизнь вечную в человеческом облике.

Души Пангеи³, колосса Родосского, Помпей стали в раю мужчинами и женщинами с великолепными телами. Но не все попадали на небо. Были вместилища душ, которым, как людским грешникам, в рае было отказано. Например, в аду уродливыми, кривобокими карликами коротали посмертный век Бастилия и здание гестапо, стоявшее когда-то в Берлине на улице Принца Альбрехта. Теперь к племени обреченных принадлежала и Атлантида.

Конвойный поставил перед ним арестантку.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил След красавицу.

Надо ли говорить, что страшное кресло-еж уже сменил мягкий стульчик, о котором безуспешно просил Круглов.

Атлантида грациозно опустилась на шелковое сиденье и скрестила длинные ноги.

---

³ *Пангея* – сверхконтинент, некогда объединявший всю сушу Земли.

Глава 9

Захват

– Хотите убить меня? Значит, моих товарищей Непейводу, Зуева, Деда вы тоже убили? Отправили на тот свет, чтобы там, за гробом, они выполнили ваше задание? Негодяй! – Отец Алексей резко встал из-за стола.

Неелов тоже вскочил и успокаивающе замахал на него руками.

– Алексей Павлович, вы неправильно все понимаете! Позвольте, я объясню. Да никто не убивал и не собирался убивать ваших товарищей!

Они стояли друг перед другом – высокий отец Алексей весь в черном, с блестящим крестом на цепи и низенький раскрасневшийся академик, увенчанный короной встрепанных белых волос.

«Это уже было во сне», – мелькнула мысль у монаха.

Со всех сторон к ним были обращены взгляды.

– Отец Алексей, что с вами? – подал голос послушник Клим, издали наблюдавший за беседой своего наставника и гостя.

– Все хорошо, Клим. Видишь, разговариваем, – не отрывая суженных глаз от академика, откликнулся отец Алексей. В нем клокотала и рвалась наружу ярость, которой можно было ждать от разведчика Зацепина, но никак не от священника.

– Да садитесь же! – зашипел Неелов. – Я понимаю, как дико все это звучит. Но дайте мне сказать. Я объясню, а вы примете решение.

Отец Алексей нехотя вернулся за стол. Выработанные за десятилетия монашества сдержанность и смирение остудили гнев.

– Я позову охрану и сдам вас полиции, – сказал он деловито усевшемуся напротив Неелову. – От сказок вы перешли к угрозам.

– Имейте терпение выслушать. Я все-таки в прошлом ваш руководитель и старше вас. Мои слова вас возмутили, и справедливо. Конечно, предложение умереть кого хочешь выведет из себя. Но насчет ваших товарищей вы сделали неправильный вывод.

– Так что с товарищами?

– Я повторяю: только умерев, можно попасть на небо, в рай. И ваши товарищи умерли. И попали на небо. Но их не убили. Они умерли своей смертью. Поверьте! От болезни. У всех у них был диагностирован рак. В последних стадиях, неизлечимый, неоперабельный. Как и у вас. Только в вашем случае врачи ошиблись.

– То есть вы все лгали тогда про космические корабли, космонавтов, которые видели Бога?

– Разумеется. Но это была ложь во спасение. Мы же не могли так и выложить: через три месяца вы – покойники, а пока позанимайтесь в нашем учебном центре. Было бы негуманно умирающих мучить лекциями и тренировками.

– И все-таки вы нас мучили. Почему вы не прекратили занятия, когда стало известно, что у слушателей рак?

– Вы не понимаете. Мы с самого начала знали, что все слушатели неизлечимо больны. Вы все были отобраны для операции «Борода Зевса» только потому, что жить вам осталось всего ничего. Вы все были обречены на неминуемую скорую смерть. У вас было только время, чтобы получить подготовку и явиться в рай, так сказать, не с пустыми руками.

– А как узнали, что у нас рак?

– Все оперуполномоченные прошли углубленную медкомиссию. Она же была и, как сейчас модно выражаться, кастингом. Только против обыкновения мы искали не лучших из луч-

ших, а тех, кому судьба уже вынесла приговор. Характер операции диктовал и специфику подбора кадров.

Отец Алексей сокрушенно покачал головой.

– Как это бесчеловечно... А со мной, выходит, вам не повезло?

– Зато вам повезло. В Каракумах слушателей продолжали регулярно обследовать. Анализы, снимки. Помните, вас усиленно накачивали лекарствами, капельницы ставили. Вряд ли вы и ваши товарищи можете упрекнуть командование, что вас списали и не пытались продлить вам жизнь. Так вот, повторные обследования вызвали сомнения в вашем смертельном диагнозе. Опухоль у вас оказалась доброкачественной. И вас вместо того, чтобы проводить в последний путь, отправили в Москву, в нейрохирургический госпиталь. Что же вы находите здесь бесчеловечного?

– Свои последние недели и Круглов, и Зуев, и Непейвода могли провести в кругу близких. Если бы вы открыли им правду про болезнь.

– Эх, Алексей Павлович! Это в вас говорит священник с высоты прожитых лет. А вспомните себя тогда. Разве хоть один из вас, узнав, что жить осталось недолго, отказался бы продолжить учебу? Отказался бы участвовать в такой операции? Даже если путь к ней лежит через смерть? Мы до последнего держали ваших товарищей в неведении. Чтобы не омрачать им и без того тяжелые последние дни. Но перед кончиной каждому признались во всем. Я лично и генерал-полковник Осокин просили у них прощения. И знаете, никто из них не упрекнул нас. Они согласились, что мы поступили правильно, дав им поучиться. Каждый выразил готовность после смерти выполнить задание.

– Пусть так. Их смерти нет на вашей совести. Вы их не убивали. Но почему решили убить меня спустя столько лет?

Неелов всплеснул руками.

– Это все мой темперамент! Конечно, я не должен был так прямо заявлять. Это глупость, безрассудство с моей стороны!

– Прямо? А как вы собирались – окольно? Другими словами, моя смерть вам все-таки нужна.

Академик глубоко вздохнул. Зацепин впервые видел его подавленным.

– Пойдите. – Неелов заговорил тихо, но с внутренней убежденностью. – Это стечение обстоятельств. Трагическое стечение обстоятельств вынуждает меня. Я пришел к вам как к бывшему товарищу по оружию. Однополчанину, если хотите. И как к священнослужителю. Человеку духовному, высокоморальному. Готовому пострадать за ближнего своего. Я пришел просить о жертве. Вы были готовы к жертве тридцать лет назад. Так примите крест сейчас.

– Опять вы за свое! Тогда я готов был умереть, как солдат в атаке, за родину. А за что вы просите отдать жизнь теперь? За вашу частную лавочку? Фирму по торговле будущим?

– За своих товарищей! Чтобы выручить их. Если они провалились, то сейчас в аду их лихо обрабатывают.

– Но как я могу избавить от загробных мучений умерших людей? Только помолиться за них.

– Есть более действенный способ! Эти герои – Круглов, Непейвода, Зуев – не даром столько лет были нашими глазами и ушами на том свете. Нам многое теперь известно о тамошних порядках, – горячо зашептал академик. Перед Зацепиным снова был ученый муж, страстно увлеченный и гордый своим открытием. – Будущее прописано в книге судеб, которая находится в раю. Это только так говорится: книга. На самом деле это колоссальное хранилище, библиотека. На разных носителях – пергаменте, папирусе, коре, пальмовых листьях, бумаге, каменных скрижалях, медных и глиняных дощечках – записаны судьбы людей, животных и даже растений. Там можно найти истории стран, народов, городов, зданий, изобретений, горных хребтов, акционерных обществ, политических партий, алкогольных напитков, торговых

сетей... От сотворения мира до конца времен. Что будут носить в 2200 году, хотите узнать? – Пожалуйста, есть соответствующая запись. В каком году найдут лекарство от рака? – Получите справку. Сколько проживет Крыска, любимая такса питерского семейства Плотниковых, да и каждый из этих самых Плотниковых? – Нет секрета!..

– Ну, Дмитрий Дмитриевич, такое нужно слушать при свидетелях! Чтобы понимать, обманывают меня уши или вы в самом деле произносите эту нелепицу... Клим! – позвал он послушника, который поглядывал из-за администраторской стойки.

– Не надо никого звать! – вскричал Неелов.

Отец Алексей жестом отменил приглашение, и послушник вернулся за стойку.

– Свидетели нам совсем не нужны, – заметил академик. – Я подхожу к самому главному: как вы поможете своим товарищам. Нашим товарищам, – поправился он. – Вы найдете в библиотеке их биографии и внесете исправления. Были они в аду – станут опять в раю!

– Да поймите вы: книги судеб не существует! Все это выдумки темных людей. Создатель не предопределяет нашу жизнь. Свою судьбу мы пишем сами. Каждым своим поступком, каждым сделанным выбором меняем ее! Верьте мне! Я священник, я знаю.

– Хотите сказать, что вы знаете больше, чем я? Вы, получивший представление о потустороннем мире из книг, поучаете меня, практика? Я год за годом получал информацию о стране мертвых из первых рук – от мертвых! И вы учите меня, как устроен тот свет?

«Ну как прикажете с ним спорить! – подумал Зацепин. – Совершенно невозможный человек!»

Но еще раз воззвал к здравому смыслу академика:

– Допустим, книга предначертаний существует. Господь явил ее в сокровенном акте творения, пусть так. А вы воображаете школьную тетрадку, в которой можно зачеркнуть неверно написанное слово и вставить другое. Это не диктант!

– А теперь послушайте меня. С помощью наших агентов... наших товарищей, – поправился академик, – мы проводили соответствующие эксперименты. Чернил в раю, к сожалению, нет. Они кровью вписывали исправления на бумажные страницы. И события менялись.

– Не хочу слушать эту чепуху!

Но академика уже было не остановить.

– Вы спасете от адских мук наших товарищей. А потом найдете и дадите мне информацию для холдинга «Дирижабль». И они отпустят моих внуков. Их ведь похитили, Алексей Павлович, и обещают убить!

У Неелова задрожали губы и повлажнели глаза. Отец Алексей поднялся, обошел вокруг стола и ободряюще дотронулся до плеча старика.

– Вот в этом я готов вам оказать любую помощь. Я понимаю, что все ваши странные слова об убийстве, самоубийстве – от переживаний. Вы не в себе от горя. Я вам помогу. Обращусь к игумену, к самому владыке, они попросят правоохранительные органы принять все меры. Их слово весомо. К ним прислушаются.

Неелов с чувством пожал руку отцу Алексею, растроганно шмыгнул носом.

– Очень тронут. Я не ошибся в вас, Алексей Павлович. Вы образец настоящего солдата и христианина. Пример верности воинскому и человеческому долгу. Воин света! В раю вы одолеете все трудности.

Отец Алексей возвел очи в потолок.

– Вы неисправимы. Давайте-ка я вас провожу. Разговор наш затянулся.

Неелов встал.

– Я никуда не уйду, отец Алексей. И вам отсюда пути не будет. Кроме как на небо. Если вы попыгаете звать на помощь, мы захватим монастырь. – Старик обвел рукой вестибюль, поясняя, кто это «мы».

Отец Алексей обнаружил, что помещение заполнено людьми, в лицах которых не было кротости и света паломников.

– Да, Алексей Павлович, эти люди – не пилигримы по святым местам. Они приехали, чтобы помочь мне сдвинуть операцию «Борода Зевса» с мертвой точки. Им очень нужно знать будущее, и за ценой они не постоют. Они могут таких дров тут наломать! В ваших силах сделать так, чтобы никто не пострадал. Теперь мы все время будем с вами. До самого конца. Сейчас мы поднимемся в мой номер, или как у вас это называется, и договорим.

Священника с двух сторон крепко взяли под локти рослые мужчины. От одного детины разило перегаром и луком. Его правая рука была красноречиво опущена в карман пиджака с яркой точкой значка в петлице в виде красной гвоздики.

– Мальчика успокойте, – кивнул Неелов на Клима, который настороженно выглядывал из-за стойки. – Чтобы не поднял тревогу. А то вместо одной смерти может быть много. Не берите грех на душу. Пошли?

Впереди Неелов, за ним отец Алексей с подпирающими его с двух сторон конвоирами двинулись к лестнице на второй этаж. Проходя мимо стойки, Зацепин сказал послушнику:

– Клим, мы побудем недолго наверху. Это мои хорошие знакомые. Не забывай сообщать вновь прибывшим распорядок дня в монастыре.

И он светло улыбнулся парню. Если бы выдержка подвела его, первой жертвой налетчиков мог стать послушник, которого отец Алексей любил.

– Помогай Бог, – сказал Клим и, пока компания поднималась по лестнице, провожал ее взглядом.

В пустом холле второго этажа отец Алексей остановился и повел плечами, пытаясь освободиться из рук конвоиров. Их лапищи сжались крепче.

– Кончайте со мной. Я готов к смерти. Только не трогайте никого больше, – сказал он Неелову.

Академик прочувствованно возразил:

– Я не сомневался в вашем благородстве, Алексей Павлович. Но я ученый, а не убийца... Я не могу вот так просто лишиться человека жизни. Даже если этого требуют обстоятельства. Своего товарища...

– Хватит крокодильих слез! – воскликнул отец Алексей. – Мошенник, бандит! До чего докатиться! Академик захватил монастырь! Опомнитесь! Вы старый человек. Вам скоро перед Всевышним ответ держать. Гореть вам в аду!

– Дайте, я погашу эту сволочь, – встрял, дохнув перегаром и луком, бандит. – Тошнит, до чего поповский класс не уважаю.

– Нет! – взвизгнул Неелов. – Нет.

Молитвенно сложив руки, он обратился к священнику:

– Отец Алексей! Лейтенант Зацепин! Сделайте этот шаг сами. Уйдите в небытие добровольно. Спасите мою совесть, наши души!

Монах горько засмеялся.

– И не подумаю! О душе вспомнил. Не веришь ты ни в какую душу. И совести у тебя никогда не было. Когда умирающих заставлял в пустыне на лекциях сидеть, – была совесть?! Когда подонков в монастырь привел, – была совесть?

– Так ради внуков...

– Нет, я тебе не помощник. Одумайся, пока не поздно. И вы все одумайтесь. За внуков епархия попросит. Убивать себя я не буду. Это грех. А мне, как священнику, вдвойне. Нет!

– Ну, что будем делать? – спросил у Неелова охранник, распространяя перегар. – Заведем в комнату и... Я заднего хода не дам.

– Ты еще попробуй возьми меня, – дернулся Зацепин в крепких руках.

Неелов принял решение.

– Ведите ко мне.

– А! – вскрикнул Зацепин и рванулся из рук сторожей. – Значит, смерть? Совсем ополумели, Дмитрий Дмитриевич!

– Да перестаньте брыкаться! В комнате вас ждет сюрприз. Может, потом вы станете покладистей, – сказал академик.

Но священник не слушал. Его поволокли по коридору. Он вырывался. Черная шапочка свалилась с головы. Лопнула цепь, и тяжелый крест громко ударил в дощатый пол. Упирающегося монаха втолкнули в дверь.

В комнате монастырского общежития на кровати у окна сидел человек в объемной куртке с глубоко надвинутым на лицо капюшоном.

– Отпустите его, – скомандовал Неелов, войдя последним. – Вот, доставил, – сказал он. – Говорите, прощайтесь. Только помни о времени. Совсем мало времени, Вера!

Неелов и его подручные вышли, щелкнул замок. Отец Алексей стоял, потирая плечо, и разглядывал человека на кровати. Он прикидывал, что бы это значило.

Человек откинул капюшон, рассыпав по плечам густые темные волосы.

– Здравствуй, Алексей, – сказала женщина.

Глава 10

Ключик к отцу Алексию

Сутки назад Вера Неелова покинула комнату спиритов сама не своя. Отчаяние, в котором она пребывала после того, как у нее отняли детей, казалось, нельзя было сделать глубже. Но мужу Аркадию – «несчастьем всей моей жизни!» – это удалось. В его признании про «Оракул» Вера услышала приговор Наде и Никите. Раньше у нее была надежда, что проклятую машину рано или поздно починят и снова из гудящего шкафа, как из рога изобилия, посыпятся предсказания – залог возвращения детей.

Теперь и этой надежды не осталось.

Как слепая, не разбирая пути, ясновидящая поднялась в свой роскошный кабинет. Дрожащими руками схватила мобильный телефон. Первым ее побуждением было позвонить в полицию. «Лучше поздно, чем никогда!» Но перед глазами все плыло, она бессмысленно водила пальцем по экранчику, не соображая, какой номер набирать: «02», «03», «112»? Мысли разбегались, она не могла сосредоточиться. В контактах выбрала фото свекра и с облегчением ткнула в него.

Неелов долго не отвечал, наконец появился в трубке.

– Вера? – спросил он тоном человека, которого отрывают от дела. – Что ты? Что случилось? Есть новости?

– Есть, – сказала Вера. – Они звонили. Вот, недавно. Угрожали... Такие страшные! Дмитрий Дмитриевич, что делать? Я в отчаянии... – Она разрыдалась.

– Вера, Вера, Вера! – проговорил Неелов. – Что они сказали?

– Ох, не знаю... Все то же. С ними Аркадий говорил... Ужасно, ужасно!

– Вера, возьми себя в руки.

– Я уже ничего не понимаю, ничему не верю! Почему вы не дали мне позвонить в полицию? Вторую неделю я как в кошмаре. Везде ложь, ложь!.. Зачем вы обманули меня?

– Обманул?

– Аркадий мне все рассказал.

Неелов замолчал.

– Ах вот что, – после паузы произнес он.

– Нет никакого «Оракула»! Зачем вы морочили мне голову? Прятали от меня в подвале этих спиритов! И вот чего вы добились!

– Вера, согласишься, что мы вместе морочили головы, – с мягкой укоризной сказал Неелов. – Хороши бы мы были в полиции.

Женщина задохнулась от возмущения:

– Так это вы себя боитесь уронить? Свою репутацию? А как же мои дети – ваши внуки?!

– Нет, Вера! Ты же знаешь, что это их категорическое требование: не сообщать никуда.

– Вы погубили меня, так и знайте!

– Успокойся! Еще все поправимо. Я сумею все исправить! Верь мне.

– Как же, Дмитрий Дмитриевич? Как вам верить? Ваш Аркадий совсем ополоумел. Твердит, что вы от духов получали предсказания! С того света! Этому тоже прикажете верить?

– Точно, этому нужно поверить.

– В сказки? – Вера в сердцах дала отбой.

Через минуту, отдышавшись, позвонила снова. Она стояла у камина, облокотясь на мраморную доску.

– Вера, я делаю все, что нужно, правда, – сказал Неелов. – У меня нет ни минуты на разговоры.

– Хорошо, хорошо, я не буду. – Тон Веры изменился, стал просительно-жалобным. – Я так хочу, чтобы у вас все получилось! Только один вопрос еще. Аркадий говорил о монахе. Что вы его собираетесь... использовать.

– Да.

– Кто он? Алексей Зацепин?

– Верно, Алексей Павлович Зацепин. Ты его знаешь?

– Я так и чувствовала! Я училась с ним и потом... Так вот он мне рассказывал такие же сказки про операцию на небе, разведчиков в раю. Но сам считал это бредом, галлюцинацией. Он болел.

– Это был не бред.

– Я догадалась, что речь о нем. Что вы и он... Он ведь тоже работал в КГБ.

– Что ты о нем знаешь? О Зацепине?

– Ничего. Мы расстались много лет назад. Еще до Аркадия. Знаю, что он в одном из подмосковных монастырей.

– В Новогатинском. Мы туда скоро отправляемся... с товарищами... А раньше ты хорошо его знала?

– Хорошо.

В кабинет блуждающей безвольной походкой забрел муж, посмотрел на Веру вопросительно. Погруженный в горькие мысли, он не знал, зачем зашел сюда. Так он слонялся по дому – потерянный, одышливый, огузневший, – не находя себе места.

– Лучше не бывает! – добавила Вера громче, прищурясь на мужа.

– Хочешь сказать, вы были... у вас было... – подбирал слово свекор.

– Было. Все было, кроме штампа в паспорте.

На белом, пухлощекоем лице мужа отразилось усилие вникнуть в разговор. Вера повернулась к нему спиной.

– Ага, так. Тесен мир, – услышала она в трубке. Свекор был явно заинтересован и уже не спешил свернуть беседу. – Удачно, однако!

– Удачно? – Вера была удивлена.

– Я хотел сказать, что твой звонок как нельзя более кстати.

– А чем Алексей может вам помочь? Я не поняла, что он должен сделать?

– О, он очень может нам помочь! Скажи, ты хотела бы увидеться с ним? А он с тобой, как думаешь?

– Не знаю... А к чему нам видеться?

– Нет, ты ответь. Ты имеешь на него... влияние, что ли?

– Я не понимаю. Какое влияние? Мы не виделись столько лет!

– Разлука иногда только укрепляет чувства. Если он увидит тебя – обрадуется? Ты сможешь на него воздействовать, если будешь с ним... поласковее?

– Поласковее с Зацепиным? Странно слышать это от вас, отца моего мужа. – Вера оглянулась. Но комната была пуста, Вера за разговором не заметила, как Аркадий Неелов удалился. – Что вы мне предлагаете?

– Спасти детей. А для этого все средства хороши, согласна? Ты ведь об этом меня просишь: спасти детей?

– Об этом! Спасите моих детей – ваших внуков!

– В этом деле нам не обойтись без Зацепина. Он нам нужен. К нему надо подобрать ключик. Таким ключиком можешь стать ты. Старая любовь сделает его покладистым. Я нажму на эту кнопку, если не сработают другие! – Голос Неелова торжествовал: академик был в восторге от задуманной комбинации.

Женщина вторила ему:

– Я стану ключиком, кнопкой, чем скажете. Я готова на все ради детей!

Так, через сутки после этого разговора, Неелова – ясновидящая Вера – оказалась в «гостинице» Новогатинского монастыря, в мужском ее крыле, куда доступ женщинам был запрещен.

Глава 11

Посмертное поручение

Как вы сюда проникли? Женщинам здесь быть не полагается, – сказал отец Алексей, чтобы что-то сказать.

– А я прошла, как мужчина. Вместе с другими, – ответила Вера Неелова. Она сняла куртку и бросила на кровать. На ней была зеленая блузка с короткими рукавами и глубоким вырезом на груди, черные широкие брюки.

– И вас не остановили? Безобразия.

Отец Алексей говорил машинально. Он во все глаза смотрел на женщину, узнавая и не узнавая.

– А разве подружки не навещают тайно бедных монашков? Взятки сторожам не суют на воротах? Или вы сбрасываете легкомысленным дочерям веревочные лестницы? Как романтично! Признавайся. – Она оставила игривый тон и продолжила: – Да, Алексей, да. Это я, Вера. Что, не похожа? Ну, не пугай меня. Неужели я так постарела? И не выкай мне, пожалуйста!

Отец Алексей опустил на соседнюю кровать: еще одно потрясение этого сумасшедшего дня лишило его остатков сил.

– Нет, Вера, ты не постарела. Изменилась, да. Другая, новая.

– Красивая?

– Мне не по чину говорить комплименты.

– Ты вспоминал меня?

– Вспоминал.

– Часто?

– Непозволительно часто.

– А ты тоже другой. Такой значительный, строгий. Ты похож на толстовского отца Сергея. Отец Алексей, надо же! Но ты не будешь рубить пальцы из-за того, что в твоей келье женщина?

– Не буду, – ответил отец Алексей серьезно, долгим взглядом вбирая в себя Веру. В ней многое было неожиданно для него – округлившееся, утратившее юношескую тонкость черт, подтянутое, ухоженное лицо, длинные пышные черные волосы, которые раньше были светлорусые, стройная белая шея, красивые, набравшие соблазнительную полноту руки.

Женщина не могла скрыть удовольствия. Взгляд Зацепина был красноречивее слов. В этом взгляде она прочитала, что он не забыл ее, что она по-прежнему интересна ему, что он жалеет о годах, проведенных в разлуке, и о том, что променял ее на монашескую рясу.

Она встала, повернувшись так, чтобы на фоне окна обрисовалась ее стройная фигура – результат регулярных самоистязаний в фитнес-клубе – с узкой талией и высокой грудью. Вера была очень моложава и хороша даже в мешковатых мужских брюках, надетых для маскировки, и растоптанных кроссовках. Она приблизилась к Зацепину. Нежно пригладила его растрепанные волосы, и отец Алексей с трепетом ощутил забытую сладость женской ласки.

– Не болит голова? Все совсем зажило?

– Бог помог.

– У тебя ворот разорван. И ссадина на лице.

– Это твои подружки постарались. Неелов и компания. Они меня приговорили. Ты с ними заодно? Почему?

Вера двумя ладонями мягко охватила его голову, заглянула в глаза.

– Неелов – мой свекор.

– Вот как! Его сын – твой муж. Фантастика! А кто он?

Вера пожала плечами.

– Кандидат наук, физик.

– Ты с ним счастлива?

– Нет.

– Почему?

Вера несильно оттолкнула голову Зацепина.

– Догадайся. Ты не оставил мне выбора, когда упек себя в монастырь.

Ее голос прервался. Она отвернулась к окну.

Зацепин поднял руку, чтобы успокоить Веру. Он тронул шелк зеленой кофточки, ощутив под материей уступчивую упругость тела, провел по дуге бедра. Прикосновение к женщине было таким волнующим, откликнулось в нем таким острым переживанием, что он отдернул руку, как от горячего.

– У тебя есть дети?

– Двое. Их похитили. Дмитрий Дмитриевич говорил? Их хотят убить. – Вера снова смотрела на него, теперь с тоской и мукой.

– Ах, ну конечно! – Зацепин хлопнул себя по лбу. – Выходит, он рассказывал о твоих детях? Какое злодейство! Неужели нельзя ничем помочь, ничего сделать?

– Тебе нужно сделать то, о чем просит Дмитрий Дмитриевич.

– Иначе выражаясь, принять смерть? – уточнил Зацепин. – Ты приехала уговаривать меня умереть?

– Нет, что ты! – Вера села на кровать рядом с Зацепиным. – Он разрешил мне проститься с тобой.

– Но я не думаю умирать! Я собираюсь улизнуть через окно. Не очень солидно для батюшки, но для оперуполномоченного, кем я когда-то был, – в самый раз. Ты мне поможешь, Вера?

Женщина отвела глаза.

– Бесплезно, милый. За дверью и под окном люди Дмитрия Дмитриевича. Эти... из «Красной гвоздики». Им нужны предсказания будущего. А предсказания Неелов может получить только с неба. Когда ты сделаешь это возможным. Предсказаниями Неелов расплатится и с «Гвоздикой», и с похитителями за освобождение детей.

– Предсказания будущего! – Зацепин повернулся к женщине, взял ее за плечи. – Это так дико звучит, Вера! Я не могу привыкнуть.

– Мы, Нееловы, давно торгуем будущим, – с горькой усмешкой ответила Вера. – Такая у нас фамильная коммерция.

Она порывисто обняла Зацепина, привлекла его голову к себе на грудь, окунув в запах духов, и у мужчины спутались мысли.

Касаясь горячими губами его губ, Вера пылко шептала:

– Алеша! Солнце мое! Спаси моих детей! Подумай, ведь это могли быть наши дети. Дай мне слово, что пойдешь на все ради них. На все! Дай слово! – Она просунула руку в разодранный до пояса подрясник и стала торопливо гладить грудь монаха.

Он вздрогнул, попытался поймать ее руку.

– Не надо, Вера. Ты же понимаешь...

Вера рассердилась.

– Не смей заикаться про свои дурацкие обеты! Ты отнял у меня любовь, жизнь! Подари мне несколько минут. Давай хоть ненадолго забудем весь этот кошмар. Ты помнишь наше Ясе-нево?..

Она перехватила руку Зацепина и сунула себе под блузку к часто бьющемуся сердцу. С треском разделила молнию на своих брюках. Настойчиво потянула вверх подрясник, открывая ноги Зацепина. Обоим на мгновение стало смешно: женщина «лезет под юбку» мужчине.

– Тебе неудобно. Приляг... – Она уже вся была на кровати, стряхивала с ног кроссовки и увлекала на себя Зацепина. – Вот так, вот так...

Зацепин увидел на белом квадрате подушки ее лицо, малахит широко распахнутых манящих глаз и разрешил себе забыть, что он монах...

Потом Вера, чувствуя на себе нежный взгляд Зацепина, собирала с пола одежду, обувь. Один кроссовок извлекла из-под соседней кровати. Зацепин тоже натянул брюки и заправил в них рубашку.

– А его, пожалуй, надевать не буду, – сказал он о перекинутом через кроватьную спинку подрыснике. – Воевать в этом халате с твоим свекром и его ордой будет неудобно, не побегаешь!

Вера выразила недоумение:

– Как воевать? Что ты собираешься делать?

– Спасать детей. А для начала приведу в чувство нашего академика...

– Нет, ты не должен. Ты же знаешь, что нужно делать!

– Сыграть в ящик, наверное? Это после того, как только что ты мне напомнила, как прекрасна, как светла жизнь? Нет уж, Верочка, теперь-то я точно собираюсь жить долго и счастливо. И любить тебя. Монах, как ты видишь, из меня вышел никудышный.

Он привлек к себе женщину и поцеловал в волосы. Вера отстранилась.

– Нет, так ты все испортишь! – воскликнула она с испугом в глазах.

Но Зацепин не слушал. Он стал у кровати и расправил плечи. Он чувствовал прилив сил. Метнулся по комнате. Открыл платяной шкаф, мелькнув в зеркальной створке – с всклокоченными волосами, в мятой рубашке. «Хорош батюшка», – подмигнул отражению. Выдернул металлическую штангу, с которой с грохотом посыпались деревянные плечики.

– Алексей Павлович! Вера! – проник из-за двери голос Неелова. – Что у вас за шум? Вы поговорили? Пора вам закругляться!

– Легко на помине, – усмехнулся Зацепин. Взвесил штангу в руках. – Сейчас мы так поговорим, что мало им не покажется.

Тут ему пришла другая мысль. Он швырнул штангу на кровать, налег плечом на шкаф, толкнул к двери.

– Верочка, у тебя при себе мобильник? Дай я предупрежу охрану. И надо позвонить в полицию...

Он загородил дверь шкафом, придвинул к нему кровать.

– Так что, есть телефон, Вера?

За спиной раздался пронзительный крик:

– Сюда, скорее! Он убегает!

Зацепин обернулся.

– Вера, зачем?!

Женщина – растрепанная, раскрасневшаяся – снова завопила, некрасиво разевая рот:

– Дмитрий Дмитриевич! Быстрее!!

Щелкнул дверной замок. Баррикаду Зацепина сотрясли удары.

Он бросился за своим оружием. Но Вера успела первой: схватила с кровати штангу и, прижав к себе, отскочила в угол.

Шкаф опрокинулся. Зацепин махнул к окну. Его нагнали и повалили на кровать лицом вниз. Скрутили руки за спиной веревкой.

За окном, в монастырском дворе поднимались возбужденные голоса, крики. Шарахнул выстрел.

– Взяли монастырь под контроль, – услышал над собой Зацепин спокойный, твердый голос.

– Теперь дороги назад нет, – откликнулся рядом Неелов. – Верил, что до этого не дойдет...

– Выше нос, папаша! Место тут уединенное. Связь мы заранее отключили, трубки у всех отобрали. Сделаем дело и уйдем по-тихому.

– А почему выстрелы? Я же просил без кровопролития!

– В воздух пальнули. Попугать ангелочков. Никакой крови, но возни, конечно, много.

– Все из-за этой скотины поповской! – раздался близко третий голос. – Из-за его упертости! Получай... – Зацепину достался пинок ниже спины. Он вывернул шею и увидел вверху красную рожу давешнего своего конвоира – пьяницы со значком гвоздики в петлице. – Смотрит, сволочь. Добавки хочешь?

– Не смейте его бить! – вскрикнула Вера.

Она помогла Зацепину подняться и сесть на кровати у спинки.

Зацепин повел плечом, стряхивая ее руку.

– Бить – не бить, а убить придется, – веско заметил тот, кто говорил о захвате монастыря, видимо, главный над боевиками – мужчина за пятьдесят, с военной выправкой и чеканным профилем, в белом свитере со словом «Сочи» на груди.

Вера беззвучно прижала ладонь к горлу.

– Вера, не нужно, – озабоченно сказал академик. Он обнял ее за плечи, повел к двери. – Подождите, я уведу ее. Она свое дело сделала.

– Вы в прошлом офицер? – спросил Зацепина главарь, когда Неелов с Верой вышли. – Почему не хотите уйти из жизни достойно? Предлагаю пистолет с одним патроном.

Зацепин не отвечал. Его внимание перебила боль в голове. Минуту назад она вошла в левый висок и, как сверло, все глубже врезалась в мозг.

– Что вы молчите? – Слово «Сочи» приблизилось к Зацепину. – Самоубийство – честный выход.

– Нет, самоубийство отменяется! – Неелов вбежал в комнату. – Самоубийство не подходит! Нужно все сделать самим.

– Ну, академик! – с неудовольствием сказал главарь. – У тебя семь пятниц на неделе. Ты же говорил, что он наложит на себя руки, а теперь сам мокрое дело торопишь. Мы не убийцы, а политическая организация.

– Я тоже не убийца! Но я не исключал крайних мер. Разве не так? А вы обещали слушаться меня! Если я говорю, что самоубийство не подходит, значит, не подходит. Вы хотите узнать будущее? Так вот, если он сам убьет себя – ничего вы не узнаете!

– Ладно, – примирительно сказал главарь. – Мы сделаем, на что подписывались. Но смотри, отец, ох, смотри, не ошибись снова, – закончил он с угрозой. – Давай! – скомандовал краснорожему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.